Евгений СУХОВ
АФЕРИСТЫ
ГЕНЕРАЛЫ
ШАЛЬНОГО АЗАРТА
ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов

Генералы шального азарта

Серия «Червонные валеты», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633285
Генералы шального азарта: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49666-2

Аннотация

Москву потряс невиданный доселе судебный процесс. Судили «Червоных валетов» – организацию мошенников, проворачивавших крупные аферы с необычайной легкостью и изяществом. Многие махинации сходили им с рук. Однако, когда был обманут сам генерал-губернатор столицы, за аферистов взялись всерьез. Все они были отправлены на каторгу… Но прошли годы, и «валеты» вышли на волю. Остепенятся ли они, «завяжут» ли со своим лукавым ремеслом? Ничуть не бывало! Для этих ловкачей жизнь без азарта теряет всякий смысл. И вот несколько «валетов», собравшись в Казани, задумали аферу, ни с чем не сравнимую по своей дерзости и масштабу…

Содержание

Часть I 4
Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 26
Глава 4 37
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Евгений Сухов
Генералы шального азарта

Часть I
Ксения Михайловна, она же Капа

Глава 1
Невероятное событие в мещанском квартале

В комнату маменьки Капу не пустили.

– Ступай к себе, не мельтеши тут, – оттолкнул Капу отчим и закрыл дверь.

Сдавленный крик послышался почти тотчас, как только отчим ступил в женские покои. А потом маменька закричала в полный голос:

– Кто дал тебе право входить ко мне?! Изыди, бес, изыди!

Как рассказывала потом тетка Наталья, что проводила у маменьки все последние дни, та даже нашла в себе силы запустить в мужа подушкой, после чего упала на постелю в изнеможении, с искаженным болью лицом. Потом она захрипела и стала нещадно бить себя по лицу с невероятной быстротой. Попытки тетки и отчима хоть как-то унять ее ни к чему не привели.

Вызвали доктора, но тот только беспомощно качал головой и твердил что-то о «магнетическом кризе» и полной невозможности ему противостоять, потому как «такое явление магнетического сомнамбулизма врачебной наукой еще не изучено». Изловчившись, он все же сделал маменьке успокоительный укол, но от этого лучше ей не стало. Единственно, в чем, возможно, помогла инъекция, так это в том, что маменька отняла руки от лица и стала щипать и царапать ногтями свою грудь, выскочившую из рубашки. Затем тело ее выгнулось дугой до такой степени, что тетка Наталья, по ее собственным словам, «испугалась, как бы она не переломилась пополам». Усилия тетки и отчима вернуть тело маменьки в горизонтальное положение оказались тщетными. После этого невероятного гимнастического «мостика» тело страдалицы вдруг разом обмякло и приняло обыкновенное положение. Гримаса боли с ее лица исчезла, черты заметно оживились, и она даже сказала вслух несколько пророческих фраз, что впоследствии привели в изумление и благоговейный трепет не только Мещанский и соседствующие с ним Купеческий и Дворянский кварталы, но и весь город Подольск. А затем маменька тихонько померла, и пробившийся сквозь безжизненную бледность тонкий румянец так и застыл на ее лице.

– Отмучилась, родная, – с каким-то затаенным облегчением констатировала маменькин конец тетка Наталья и тотчас завыла в голос с разными бабьими причитаниями навроде тех, какие обычно бывают в подобных случаях: «На кого ты нас оставила! Что же нам без тебя, родная, делать?».

Отчим же выглядел подавленным, был бледен, и у него заметно тряслись губы.

Когда Капе сообщили о смерти маменьки, она заплакала. Хотя и не очень понимала значение слова «кончина». Ведь ей было всего восемь лет. К тому же все вокруг говорили, что умирает только тело, а душа остается живой, поскольку она бессмертна. Капитолина еще долго всматривалась в комнатное пространство в надежде увидеть маменькину душу, даже щурила глаза, но ничего, кроме бессмысленно снующих туда-сюда крохотных пылинок, не заприметила.

А пророческие слова, что обронила перед смертью маменька, были страшными:

– Завтрева на Большой Московской дом Мясоедова сгорит, – сказала она, вращая глазами. – А в том доме бабушка с внучкой от дыма задохнутся. Насмерть.

И что вы думаете?

Случилось именно так, как предсказала маменька Капы. На следующий день, ближе к вечеру, дом бакалейного торговца Саввы Мясоедова запылал. И как-то мигом. То ли уголек из печи выпал на дощатый пол, то ли еще чего неладно было, а только выгорел этот дом дотла. И в пепелище того дома обугленные косточки отыскались: мясоедовской бабушки и ее внучки. Видно, задохнулись в дыму, а потому выбраться наружу не поспели.

А еще сказала маменька Капы, что Семен Бонифатьевич Кокорин, столбовой дворянин и гласный городской думы города Подольска, утопнет в речке Пахре в точности на Троицын день. Что Зинаида Облучкова, сорокалетняя вдовица, родит ребеночка с рожками и козлиной бородой, а подольский уездный исправник Матвей Осипович Калганов совершенно не галантно сблюет на обеде у его высокопревосходительства московского генерал-губернатора Павла Алексеевича Тучкова, устроенного для полицейских чинов.

Конечно, не все в древнем городе Подольске поначалу поверили, что последние слова маменьки Капы Феониллы Полушкиной, владелицы постоялого двора с кабаком близ Варшавской заставы, оставшегося ей после загадочной смерти ее первого мужа, являются пророческими. Мало ли что может привидеться в беспамятстве или во время этого, как его, «магнетического криза». А то, что, дескать, Феонилла предугадала смерть мясоедовской бабушки и ее внучки, вовсе и не пророчество, а простое совпадение. Каковые, естественно, случаются в нашей грешной жизни не столь уж и редко, ежели на то посмотреть трезвым и пристальным взглядом.

Не верящих в пророчества Полушкиной сильно поубавилось, когда сбылось второе ее прорицание.

На Троицын день, когда повсюду проистекают законные и всеобщие народные гуляния, одна молодая парочка пожелала уединиться на заросшем кустами берегу Пахры. Выбрав укромное местечко, юноша скинул с себя сюртук, постелил на траву, и парочка уселась, тесно прижавшись друг к другу и млея при этом от неги и вожделения. Скоро их томные шептания уступили место страстным поцелуям, а затем и бесстыдным прикосновениям. Их руки уже ласкали потаенные места друг друга, бурно истекающие соками, когда барышня неожиданно вскрикнула.

– Простите, я, кажется, причинил вам боль, – учтиво произнес юноша и отнял пальцы от паховой складочки девушки.

Но барышня закричала ещё громче, после чего крик перешел в визг, заложивший у молодого человека сразу оба уха.

– Ну, чего ты орешь, дуреха? – нарушив все каноны вежливости, грубо спросил юноша.

В ответ на это барышня выпучила глаза и протянула в сторону реки дрожащий указательный пальчик.

Молодой человек посмотрел туда, куда был направлен девичий перст, и невольно приоткрыл рот.

– Это еще что такое, мать твою ети, – некультурно выразился он, тем самым выказывая немалые огрехи в домашнем и даже в гимназическом воспитании.

Там, куда был направлен трясущийся пальчик барышни, лежал, перегораживая реку и уткнувшись лицом в воду, человек. Он был абсолютно неподвижен. И, по всей видимости, мертв!

Юноша схватил барышню за руку и дернул.

– Прекрати верещать, – зло сказал он, крепко опечаленный тем, что труп в реке Пахре напрочь разрушил все его легкомысленные планы относительно гимназистки Катеньки.

Теперь ни о каких ласках и интиме не могло быть и речи: Катенька так и осталась с выпученными глазами и открытым ртом и уже ничуть не вызывала прежней страсти и вожделения. Оставалось только проводить ее домой и искать продажных утех у мамзелек в веселом доме мадам Марго за речкой.

Так молодой человек и сделал – после того, как сообщил о трупе в Пахре.

Полицианты Подольска дело свое знали и уставы блюли тщательно. Не зря уездным исправником у них был Матвей Осипович Калганов, человек умный и дельный, отставной подполковник артиллерии и хороший знакомец самого московского генерал-губернатора его высокопревосходительства генерала от инфантерии Павла Алексеевича Тучкова. Дознание относительно найденного трупа, который оказался «принадлежным» столбовому дворянину и гласному городской думы Семену Бонифатьевичу Кокорину, велось досконально и по всем правилам юридической науки. Было выяснено, что гласного думы Кокорина вначале тюкнули чем-то тяжелым по затылку, после чего, еще живого, скинули в реку. О том же гласило и врачебное заключение: Семен Бонифатьевич имел гематомы в затылочной части черепа, однако смерть произошла не от удара по голове, а в результате утопления, свидетельством чего служила вода в легких, найденная при врачебном вскрытии трупа. Так что умер столбовой дворянин и гласный городской думы Кокорин от утопления – тем самым оправдав второе пророчество Феониллы Полушкиной.

И уж вовсе не осталось в Подольске не верящих в предсказания покойной держательницы постоялого двора близ Варшавской заставы, когда вдовствующая уже двенадцать лет мещанка Зинаида Облучкова сорока годов от роду вдруг родила весьма необычного мальчика. Был он необычайно крепенек и невероятно горласт, весил ровно четверть пуда, и все бы ничего, да только были две невиданные доселе в акушерской науке странности.

Первая, это то, что на большом и выпуклом лбу дитяти, что могло бы свидетельствовать о достаточном количестве мозгов, были две симметричные костяные выпуклости, явно напоминающие рожки. А вторая странность заключалась в том, что под крохотным подбородком дитяти имелась клинообразная бородка, состоящая из редких, но весьма длинных и безукоризненно черных волос. Походила она на бороду, что носят козлы и престарелые татарские муллы.

Вскоре собрался врачебный консилиум с приглашенным из Москвы медицинским светилом профессором Пехтеревым, который, досконально обследовав ребенка, пришел к выводу, что данный факт, скорее всего, не что иное, как случай «наследственной мутации», требующий тщательнейшего исследования и наблюдения в течение длительного периода. Потом профессор Пехтерев долго беседовал с роженицей, неделикатно выспрашивая о зачатии: главным образом беседа шла о том, не имела ли она когда-либо близких сношений с козлами? Ибо любое сношение, произведенное когда-либо и с кем-либо, невольно откладывает отпечаток на женский организм, так сказать, производит «половые характеристики» на материнскую утробу, и способно воздействовать на плод даже через десяток лет. Иными словами, ежели женщина в 1854 году отдалась горькому пьянице, а в 1856-м – мужчине, страдающему падучей болезнью, то, зачав в 1864 году от вполне здорового и без вредных привычек господина, она может родить дитя с врожденной склонностью к безмерному питию водки, а то и с предпосылками к развитию в нем падучей болезни. Таков, по сути, есть женский организм: сосуд, способный воспринимать в себя разного рода скверну… Да-с!

Широкой подольской публике было неизвестно, что отвечала профессору Пехтереву на его вопросы вдовица-роженица (было сношение с козлами или не было), однако суть они знали: Облучкова родила ребенка с рожками и бородой, что, собственно, и предсказывала покойная Феонилла Полушкина.

После такого случая все подольское общество принялось ждать, когда же их уездный исправник Матвей Осипович Калганов сблюет на обеде у московского генерал-губернатора.

Что такой немыслимый конфуз должен произойти, не сомневался ни один житель Подольска, в том числе и сам Матвей Осипович. Поэтому, хоть и опасаясь вызвать неудовольствие главного своего начальника и некогда сослуживца, уездный исправник дважды отклонил его приглашения на званые обеды: один раз сказавшись больным, а во второй раз, отбыв якобы с ревизией в отдаленные уездные волости. Однако в третий, когда генерал-губернатор пригласил на обед все значимые полицейские чины губернии, за Калгановым специально заехал московский обер-полицмейстер граф Крейц, и отнекаться оттого не получилось. За обедом Матвей Осипович предусмотрительно ничего не ел, опасаясь стравить, однако тост за здоровье государя императора был вынужден выпить, после чего облевался прямо в свою тарелку.

Конфуз вышел невероятнейший! Одно дело, ежели бы Калганова стошнило после обильного пития или еды где-нибудь в закутке комнаты. Этакий факт отнесли бы к рядовому конфузу. Ну, перепил человек или переел – вот и стошнило. С кем не бывает? Да такое практически с каждым может случиться! Однако сблевал Матвей Осипович после принятия рюмки за здравие самого государя императора Александра Освободителя, что могло расцениваться как скрытое нежелание того, чтобы государь император здравствовал. Или как признак антипатии к Самодержцу, к его всемилостивейшей личности. Конечно, никто из гостей не стал педалировать и усугублять состоявшийся факт, и обед у губернатора прошел вполне благочинно, однако по лицу его высокопревосходительства было заметно, что он крайне рассержен и раздосадован. Свидетельством недовольства послужило то, что на обеды генерал-губернатора Тучкова Матвея Осиповича приглашать совершенно перестали.

Когда сбылось последнее предсказание Феониллы Полушкиной, Капе исполнилось уже девять годков, и ее детство подошло к концу. К тому времени ее отчим выжил тетку Наталью из дому и стал единолично владеть двухэтажным домом в Мещанском квартале и постоялым двором с кабаком близ Варшавской заставы. Денежки у него водились, однако Капу он не баловал, а, напротив, заставлял работать, прислуживая гостям и насельникам постоялого двора. Приемная дочь прислугой была дармовой, а потому денежного содержания не получала. И вообще, как только стал Герасим Пантелеевич единоличным хозяином всего, что имела Феонилла Полушкина, то сделался в одночасье до денег падким и крайне прижимистым. Что весьма часто случается с людьми, у которых ранее в карманах не было ни гроша, да вдруг нежданно появился алтын, и даже более. То бишь портятся такие люди характером и черствеют душой.

Ну, да и черт с ними!

Капа была девочкой исполнительной и весьма трудолюбивой, работы никакой не гнушалась и особых хлопот отчиму не доставляла. Ежели, конечно, не считать того, что в последний год он стал на нее как-то странно посматривать. Иногда при виде Капы глаза Герасима Пантелеевича затягивались сладкой поволокой, и если он в это время сидел, то начинал нервически ерзать, а ежели стоял, то несколько выпячивал зад, стараясь скрыть восставшее естество.

К десяти годам закончилось и образование Капы. Гувернантка, которую наняла девочке еще Феонилла Полушкина, научила ее читать, писать, правильно и толково говорить, а также всем четырем арифметическим действиям. Верно посчитав, что история Древней Греции и Рима девочке ни к чему, равно как латынь, понимание физических и химических процессов и сложение стихов, Герасим Пантелеевич рассчитал гувернантку, зажав при этом целых восемь рублей серебром, и на этом, как уже было сказано, образование Капы завершилось. Да и то сказать, зачем девице познания в астрономии или в естествознании? Только голову забивать никчемными мыслями, которые, как известно, портят и отравляют жизнь. Ведь чем меньше человек думает и рассуждает, тем менее сомневается, а от сомнений и происходят разного рода неприятности, а то и беды.

Работы на постоялом дворе было через край. Особенно когда постояльцами были заняты все комнаты, каковых было восемь. В них надлежало ежедневно убираться; когда постоялец выезжал – менять белье, едва ли не каждодневно мыть длиннющий коридор на втором этаже, а иногда и подавать проезжим постояльцам еду в кабаке на первом.

Конечно, при постоялом дворе и кабаке были повара, половые, посудомойки, прачки, коридорный и прочая обслуга, только вот работали они спустя рукава, потому как Герасим Пантелеевич платил скверно и вычитал из жалованья за каждую провинность, каковой могло служить, помимо проступков, даже слово, сказанное поперек хозяйского. И Капа была вынуждена доделывать за них то, что они должны были делать сами: мыла посуду, гладила постельное белье, ставила самовар, разносила воду. И так из месяца в месяц, из года в год… Подруг у Капы не имелось, а на тетку Наталью, изредка приезжающую проведать ее, отчим смотрел косо, поэтому по прошествии одного-двух дней она отбывала обратно в Москву.

Выходные дни и праздники у Капы случались нечасто. В эти дни она была предоставлена сама себе, всецело погружаясь в мечты. А они были разными. Но по большей части Капа воображала себя богатой и расфранченною дамой, каковых видела на картинках какого-то старого французского журнала, оставленного в одной из комнат постоялого двора.

Ах, какой все же нарядной она могла бы быть!

Перво-наперво белье… Оно должно было быть непременно из белоснежного батиста, с гладкими фильдеперсовыми чулочками такого же цвета, как платье. Корсет? Нет, корсет ей не обязателен, ведь от природы у нее нет ничего лишнего, и ей совершенно не обязательно скрывать свои «формы». Нижняя юбка должна быть непременно с воланчиками. Платье – кринолин из самого лучшего бархата, украшенное завитыми перьями птиц, бисером и кружевами с тесьмой и бахромой. На голове – шляпка «ток» с лентами из атласа, газа и тюля и обязательно с шелковыми цветами и страусиными перьями. На ногах вышитые прюнелевые ботики, обязательно с бантами и кружевами. В руках, конечно же, ридикюль, с бисером, на длинном шелковом шнурке…

Однажды зимой на их постоялом дворе остановилась настоящая светская дама с щеголем-кавалером и свитой слуг. Что-то случилось с ее каретой, на дверце которой красовался гербовый щит с графскою короною и двумя шлемами по сторонам, его держали лев с мечом и соболь со стрелою. Тотчас под ночлег графиней был снят весь второй этаж, благо из восьми комнат была занята только одна. Постояльца из нее попросили вон, присовокупив к просьбе четвертной билет, который сговорчивый клиент охотно принял. Карету же графини загнали в каретный сарай, и лучший каретный мастер города Подольска, специально вызванный на постоялый двор со своим подмастерьем, немедленно принялся за ее починку.

Капа видела графиню дважды. В первый раз, как только она приехала. Графиня была в искрящемся от снежинок дорогом соболином манто, шляпе в перьях и цветах и атласных ботиках с массивными золотыми пряжками. Ее кавалер тоже словно сошел с картинки журнала мод: его альмавива была подбита мехом, цилиндр блестел, словно вычищенный ваксой, а фрак столь ладно сидел на нем, словно кавалер в нем родился и вырос. Трость, которую он держал в руках, стоила столько, сколько хватило бы на полгода сытой и обеспеченной жизни полноценной мещанской семье из восьми человек.

Графиня, поддерживаемая за локоток кавалером, поднялась на второй этаж и до ужина не выходила из своей комнаты. Когда она спускалась к трапезе (Герасим Пантелеевич по случаю принятия столь знатной особы и сам расстарался, и поварам велел пустить в ход самую лучшую провизию), Капа увидела ее во второй раз. К этому моменту все на постоялом дворе знали, что графиню зовут Людмилой Валериановной, и происходит она из славного рода графов Головиных, средь которых ранее были сплошь бояре да окольничие, а позднее – генерал-фельдмаршалы, генерал-адмиралы, обер-шенки, члены Государственного Совета и, самое малое, тайные советники. Чести же лицезреть графиню и дышать одним с нею

воздухом простые смертные обязаны были поломке в карете какой-то главной оси, которую сейчас, в самом спешном порядке, починял каретный мастер Карл Федорович Лурье.

Капитолина во все глаза смотрела на графиню. Вот бы и ей стать такой же богатой и красивой! На её сиятельстве Людмиле Валериановне Головиной было надето столь красивое и необычное платье, какого Капа еще ни на ком не видела: пышное, с тонким кружевом и бисерными вышивками, оно состояло из трех разных тканей, атласа, бархата и кисеи. Задний подол платья, причудливо драпированный, переходил в шлейф, который плавно скользил за графиней, медленно спускающейся по ступеням. Под цвет платья были туфли из сатен-тюрка с шелковым бантом, ну, до того нарядные, что Капа долго не могла отвести от них глаз. И пахло от графини так, словно столовая была сплошь заставлена розами.

А какая у нее была свита! Молодые люди во фраках, готовые тотчас исполнить любую ее прихоть; слуги гренадерского росту и лакеи в вызолоченных ливреях, которых можно было принять за камергеров или гофмаршалов двора кого-либо из их высочеств.

Графиня же была мила и проста в обращении. Она учтиво кивнула повару, принесшему ей ужин из восьми блюд; вежливо поблагодарила Герасима Пантелеевича и одарила ласковым взглядом Капу, во все глаза смотревшую на нее.

Знатная постоялица уехала утром, в десятом часу, и Капитолине удалось увидеть лишь задок кареты, починенной мастером Карлом Лурье.

Образ графини еще долго хранился в памяти Капы. Девочкой она была исполнительной и послушной, но, как говорят, себе на уме. Именно про таких сказывают в народе: «в тихом омуте черти водятся». В ее хорошенькую головку заглянуть никто не мог. А если бы это кому-нибудь удалось и он сумел бы прочесть мысли Капы, то удивленно вскинул бы брови, призадумался и стал бы смотреть на малоразговорчивую девочку совершенно иными глазами, а может быть, даже и с опаской – а все оттого, что роились в её пригожей головке размышления далеко не безобидные. А ее решение сделаться такой же, как та графиня Головина, было столь же непоколебимо и твердо, насколько недвижим и крепок был огромный гранитный валун, вросший в землю подле самых ворот в постоялый двор и стоявший здесь, по всей видимости, с начала сотворения мира.

* * *

Четырнадцать лет… Много это или мало?

Наверное, мало, чтобы вступать во взрослую жизнь в одиночестве, без житейского опыта и маяков над ее бездонными глубинами, способными поглотить любого человека, пусть и семи пядей во лбу. Без провожатого, который был бы рядом и успел схватить за руку, когда нога уже занесена, чтобы ступить в пропасть. Без мудрого советчика с дорожной сумкой за плечами, именуемой жизненным опытом, который успел бы предостеречь юное и, стало быть, неразумное существо от свершения глупостей и ошибок. Ведь оступиться и наделать бессмысленностей, имея в активе столь небольшое количество лет, очень просто. Проще пареной репы.

С другой стороны, а когда же прикажете вступать во взрослую жизнь? В какие, стало быть, лета?

Скажете, в двадцать один год, по достижении совершеннолетия? И уже в этом возрасте совершать глупости и ошибки? Однако ошибки ошибкам рознь. И может случиться так, что глупости, простительные для четырнадцатилетнего возраста, будут совершенно непозволительными в двадцать с лишним лет. Ибо каждому овощу свое время…

Собственно, к четырнадцати годам Капа телесно уже была взрослой. То есть у нее уже сформировалось то, что положено иметь барышне: фигурка была вполне женственной, без подростковой угловатости, грудь полностью развилась (таким персям, как у Капы, могли бы

позавидовать и вполне взрослые барышни, и даже многие зрелые женщины). Весьма привлекательными были лицо и глаза. Вернее, взгляд. Переодень Капу, скажем, в наряд графини Головиной, и она вполне смогла бы сойти за девицу восемнадцати годов, а может, и чуток поболее…

Что же касается зрелости душевной, или духовной, если хотите, то здесь, конечно, имелся большой вопрос. Ибо вряд ли душа Капы была такой же взрослой, как и ее тело. И столь раннее вступление Капы во взрослую жизнь могло повлечь для ее души множество испытаний, из каковых девица необязательно бы вышла с честью и с чистой душой. Совсем необязательно…

По всей видимости, это был неосознанный выбор девочки: пора, мол, жить по-взрослому. К этому ее принудили обстоятельства в лице отчима, который все чаще и чаще засматривался на падчерицу и, похоже, все более желал ее как мужчина. Не один раз Капитолина замечала на себе взгляды Герасима Пантелеевича, которые буквально раздевали ее и в которых читались похоть и вожделение. Капа не знала, что такое – вожделение, но, как и все женщины, могла это ощущать каким-то особым чувством, им всем присущим. Просыпавшееся ощущение немного пугало её и заставляло настораживаться. А Герасим Пантелеевич все чаще и все откровеннее переходил в наступление: то коснется ее груди как бы невзначай, то приобнимет будто бы в отцовской любови, а то и намеренно потрогает.

Она не отбивалась, не вступала в разговор: мол, что это вы делаете, папенька, уберите, пожалуйста, ваши шальные руки. И как вам-де не стыдно, ведь мы как-никак сродственники. Она ждала, что будет дальше. Все равно жаловаться-то было некому…

Как-то раз, поехав в Москву за покупками, отчим взял ее с собой.

Капитолина в Москве один раз уже побывала: тогда они все втроем, маменька, отчим и она, ездили в Голицинскую клинику показываться врачам. Вернее, показывалась врачам маменька, а Капа и отчим дожидались в коридоре. Помнится, маменька вышла от доктора какая-то успокоенная и умиротворенная; зато Герасим Пантелеевич при разговоре с доктором тет-а-тет хмурил брови, часто переспрашивал и покусывал губы. Да и потом, когда они возвращались домой, он был молчалив и хмур, а маменька, напротив, была весела и смешлива…

В этот приезд в Первопрестольную никаких клиник они не посещали, зато обошли с две дюжины лавок и магазинов. Только на одном Кузнецком мосту они заходили не менее чем в десяток модных и дорогих магазинов, где от количества и красоты товаров у Капы просто разбегались глаза. В одном, кажется, зовущемся «Парижским магазином мод», которым владел «Торбек сын Торбека», Герасим Пантелеевич выбрал для Капы весьма дорогое платье и затем долго торговался с приказчиком насчет цены. В конечном итоге он купил платье, шляпку и атласные туфельки с бантами. Капа не верила своим глазам: отчим, всегда готовый к тому, чтобы зажать у своего работника рубль или даже полтину и весьма прижимистый, если не сказать скупой, вдруг потратился, без малого, на шестьдесят рублей! И траты эти были сделаны для нее. Ведь и платье, и шляпка из сарацинской соломки, и прелестные туфельки из китайского атласа предназначались именно ей.

Примерить дорогие наряды и пройтись потом перед большим напольным трюмо в полстены, стоявшем в гостиной, это ли не настоящее счастье! Ведь эта одежда, по сути, была первым настоящим одеянием Капы, в котором не стыдно было выйти «на люди».

Капитолина еще несколько раз прошлась перед зеркалом, любуясь на себя. Хороша, ничего не скажешь! Эх, если бы маменька видела ее сейчас, то наверняка порадовалась бы вместе с ней.

Отчим цокал языком и тоже, кажется, был доволен сделанными покупками. На сей раз он не трогал ее, не касался развитой груди или ягодиц, но по взгляду его можно было судить

о многом… К примеру, засмотревшись на Капу, примеривающую шляпку, он несколько раз шумно сглотнул. Глаза его блестели, и на верхней губе выступили бисеринки пота…

Вечером, находясь в своей спаленке, Капитолина еще раз примерила на себя покупки. Они ей так нравились, что она даже хотела спать прямо в платье и шляпке. Конечно же, укладываясь в кровать, она сняла с себя все и еще долго смотрела на новый наряд, который развесила на стуле. А затем тихо уснула…

Проснулась она от прикосновений.

Чья-то рука, проникнув под ткань рубашки, беззастенчиво трогала ее грудь. Капа замерла, не поняв вначале, что происходит. А ладонь, помяв грудь, стала спускаться по животу к сокровенному месту. Когда рука легла на низ живота, а пальцы принялись перебирать жесткую поросль волос, Капа вскрикнула и тут же услышала:

– Не бойся, это я, папа…

Она резко присела на постели:

– Что вы делаете?!

– Да ничего… это я так, – услышала она осипший голос отчима. – Ты не бойся.

После этих слов Герасим Пантелеевич, сопя, навалился на нее всем телом, запустив уже обе руки под рубашку. Капа попыталась оттолкнуть его, но он был намного сильнее и тяжелее, и у нее ничего не вышло.

– Что… вы… дела-е-те, – задыхаясь, еле вымолвила девушка, чувствуя, как что-то влажное и липкое ткнулось ей в ляжку, – не смейте…

В ответ на эти слова отчим просунул ладонь между ее сжатых ног и стал раздвигать их силой. Он сопел, дрожал всем телом и непрерывно бормотал, словно в забытьи:

– Не пугайся, Капочка, это… Это хорошо, это… сладко… Приятно будет… тебе… потом…

Нечто горячее и липкое коснулось низа живота. Уже понимая, что сейчас произойдет – а это она представляла в своих мечтаниях совершенно иначе (поромантичнее, что ли), – Капа схватила орган отчима, с силой сжала его, а потом резко дернула…

Герасим Пантелеевич громко взвыл, и хватка его тотчас ослабела. Воспользовавшись заминкой, Капа вывернулась из-под него и отбежала в дальний угол к столу с ночником.

– Уходите. Прошу вас, уходите.

Отчим выпрямился. В тусклом свете ночничка она увидела, что порты его до колен спущены, а взгляд приковал мужской орган, показавшийся ей неимоверно большим.

– Ну, уж нет… – услышала она зловещее шипение. – Щас я тебя, куколка моя, оприходую. Зазря, что ли, я на тебя столько денег потратил!

Герасим Пантелеевич осклабился и пошел на нее. Капа стала метаться, а он развел руки.

– Врешь… – шипел он. – Не уйдешь…

Когда отчим подошел совсем близко, Капа увидела его глаза с огромными зрачками, темными от залившей их похоти. «Все, – подумала она. – Теперь-то все и произойдет».

– Ну же, тебе не будет больно, – примирительно произнес Герасим Пантелеевич, остановившись в полуметре от нее. – Все это делают… И дамы, и барышни. Поверь, слаще этого нету ничего в жизни. А я тебе еще нарядов накуплю. Юбок, платьев, жакеток, блузонов разных… Будешь настоящей барышней, куколка моя…

С этими словами он подался вперед. Капитолина, не отдавая себе отчета, судорожно схватила со стола бронзовый подсвечник и что есть силы ударила отчима по голове. Удар пришелся сбоку, прямо в висок. Герасим Пантелеевич охнул, с каким-то тоскливым удивлением посмотрел на Капу и рухнул возле самых ее ног. Какое-то время он, видимо, силился что-то сказать, издавая при этом лишь короткие хрипы, затем задрыгал одной ногой, словно отбиваясь от назойливого щенка, и вскоре затих, расслабленно вытянувшись. Из виска на

пол стекала струйка крови, образуя под головой отчима лужицу. Капа наблюдала за тем, как темно-красная лужица все более увеличивается, но не могла даже пошевелиться. Затем появились мысли. Вернее, одна: «Убила, убила, убила!».

Так продолжалось несколько минут. Потом Капа шумно вздохнула и осторожно переступила через покойника. Затем она еще с четверть часа просидела на кровати, после чего стала судорожно собираться, стараясь не смотреть на неподвижное тело отчима.

Скарб у нее был небольшой: всего-то пара нижнего белья, две юбки, простенькое платьице, которое она надела, душегрея, ботики и косынка. То, что она не надела на себя, сложила в широкий баул, стараясь не сильно помять платье и шляпку, купленные в Москве.

Нельзя сказать, что она не думала уйти от отчима. Подобные мысли в последнее время навещали её все чаще, но не успели оформиться в устойчивое решение, которое все время откладывалось «на потом». Хотя для такого случая были загодя приготовлены даже деньги: тридцать рублей и маменькин золотой перстенек с серебряной брошью, покрытой эмалью. Все нехитрое богатство лежало в небольшой шкатулке с пасхальными рисунками по бокам и на крышке. Ее она тоже положила в баул. Затем, оглядевшись и удостоверившись, что ничего не забыла, Капа тихо вышла из спаленки, бесшумно спустилась через заднюю дверь во двор и вышла через крохотную, в половину ее роста калитку, от которой у нее был ключ. Определившись, в какую сторону идти, Капа обогнула забор постоялого двора и ступила на тракт, прямиком ведший в Москву. Уже через четверть часа она споро шла по направлению к Первопрестольной. Барышня ни разу не оглянулась, строго уставившись прямо перед собой. Взгляд ее уже не ведал сомнений и отличался от прежнего, когда она пребывала еще в той жизни, где присутствовал отчим. Теперь началась новая жизнь. И она вступала в нее без всяких сожалений…

Глава 2
Первая афера

Москва далась не сразу.

Вначале надобно было миновать несколько деревень: Щербинку, Дрожжино, Бутово, Чертаново. Капитолина держалась Варшавской дороги, и когда она разошлась на две ветки, пошла по старому Варшавскому тракту. Она несколько раз останавливалась, чтобы передохнуть, хотя и не особенно устала, пройдя около четырех часов.

Уже совсем развиднелось, когда Варшавская дорога кончилась Павловской слободой. Это было уже Подмосковье. От Павловской слободы до угла Щипковского переулка и Серпуховской улицы оставалось всего ничего. Здесь, на небольшой базарной площади, образованной при слиянии пяти улиц, находилась некогда таможенная изба, возле которой скапливалась вереница подвод, которые прощупывались специальными щипками на предмет незаконно ввозимых в город товаров. К настоящему времени таможня за ненадобностью приказала долго жить, уступив место дешевой гостинице и двум монастырским подворьям. В этой гостинице, больше похожей на постоялый двор, всегда останавливались по приезде в Москву маменька и отчим. Здесь же они останавливались, когда ездили в Первопрестольную втроем, вместе с ней. И эта гостиница была конечным пунктом путешествия Капы – если, конечно, повезет…

Ее глаза были наполнены слезами, когда она, поздоровавшись с гостиничным служкой, парнем лет двадцати, спросила, не найдется ли здесь для нее какой-либо работы.

– Я согласна на любую, – взмолилась девушка.

– А ты откуда? – участливо спросил парень.

– Из-под Серпухова, – соврала, не моргнув глазом, Капа.

– А звать-то тебя как?

– Ксения Балабанова, – ответила Капа, глядя в пол.

– Работу, значит, ищешь? – продолжал допытываться парень.

– Ага, – она кивнула.

– А жить есть где?

Капа еще больше понурила голову и едва слышно призналась:

– Нет.

– Да ладно, чё ты, не кисни, – попытался успокоить ее парень. – Руки-ноги на месте, жива-здорова, что еще надобно?

– Надо еще кушать и иметь крышу над головой, – резонно ответила Капитолина.

– Сообразительная… – Парень пытливо посмотрел на нее. – Хорошо, я поговорю с дядей.

– А дядя – это кто? – несмело спросила «Ксения Балабанова».

– Дядя – это владелец нашего *отеля*, – с какой-то непонятной долей сарказма произнес парень. – Кстати, меня Генкой кличут. – Геннадием то есть, – поправился он. – Ты покудова посиди тут. Я – щас…

Когда парень ушел, Капа огляделась. «Отель», как назвал небольшую гостиницу Геннадий, почти ничем не отличался от их постоялого двора в Подольске. Ну, разве нумеров было немного поболее да вместо трактира – буфетная. А так – постоялый двор, и только.

Геннадий вернулся с черноглазым коренастым мужчиной годов под сорок. Тот окинул Капу взглядом и спросил парня:

– Она?

– Она самая, – ответил Геннадий, тоже поглядывая на Капитолину. – Ксенией зовут.

– Сирота, стало быть? – участливо спросил держатель гостиницы.

– Ага, – простодушно ответила Капа. – Папенька умер, когда я была еще совсем маленькой, а маменька…

Она всхлипнула, и слезы опять потекли по ее щекам.

– Ладно, ты здесь мне сырость-то не разводи, – требовательно произнес он. – Что умеешь делать?

– Все, – быстро ответила Капа. – Все, что скажете, то и буду делать.

– Дядь, может, ее раздатчицей в буфетную определить? – предложил парень. – А то Клавдея давно на сносях. Чай, родит скоро. А ежели за стойкой?

– А ты помолчи, покудова не спрашивают, – осадил Геннадия дядя. – Грамоту разумеешь?

– Да, – ответила Капа и с надеждой посмотрела на черноглазого.

– И считать можешь?

– Арифметику, все четыре действия, как и полагается, – смиренно отвечала Капа.

– Это хорошо, – заключил держатель «отеля». – Значитца, так: коли ты так грамотна, беру тебя… посудомойкой. Для начала буду платить в месяц три рубля плюс харчи и проживание. Согласна?

– Да, – ответила Капа, изобразив на лице радость.

– Вот и славно. А дальше – поглядим, как там сложится.

– Ну чё, – подмигнул Капе парень, когда дядя ушел. – Приглянулась ты ему. Ты не боись. Мой дядя только с виду такой суровый. А посудомойкой – это временно. Скоро Клавдею заменишь, точно тебе говорю…

– Благодарствуйте за заботу, – покорно произнесла девушка и подняла на Геннадия глаза. Очевидно, было в ее взгляде нечто такое, отчего парень замолчал и стушевался.

– Ты, это… – кажется, он не знал, что говорить дальше, – пойдем со мной. Покажу, где проживать будешь.

Они прошли коридором до самого конца. Затем Геннадий бряцнул связкой ключей, что висела у него на поясе, нашел нужный и отпер дверь.

– Вот, – произнес он, распахивая перед Капой дверь. – Здесь ты будешь жить…

Капа нерешительно ступила в комнату – скорее комнатенку, – не более чем в четыре квадратных сажени, переделанную из какого-нибудь чулана.

Единственное оконце выходило в стену из красного кирпича и света давало маловато. Зимой, поди, придется по целым дням жечь свечи. А так – железная кровать с высокой спинкой, платяной шкаф в две небольших узких створки, зеркало над рукомойником, вещевая тумбочка (она же и стол) с шандалом на две свечи и пара стульев с гнутыми спинками. Словом, могло быть и похуже.

– Ну, как? – спросил Геннадий после того, как Капа огляделась.

– Подойдет, – ответила она.

– Вот и славно. – Он переступил с ноги на ногу. – Ты покуда осваивайся тут, а завтра – на кухню. Подъем в пять утра.

Парень еще немного постоял, ожидая вопроса. Но Капа молчала.

– Разбудить? – нерешительно спросил он.

– Не надо, – ответила Капа. – Сама встану. – И добавила потом: – Я привычная…

* * *

Клавдея стояла за буфетом до последнего. Жаль было терять такое сытное место. Ежели, конечно, занимать его с умом и не наглеть. До нее вот была буфетчицей некая Наталия. Так та и в кассу могла залезть, и продуктами не гнушалась, брала, что глянется. Вот и поплатилась: выгнал ее в шею Генкин дядя. Да еще с такой бумагой, что опосля ее никуда и

не приняли. Тыкалась она туда, тыкалась сюда, – везде ей от ворот поворот. Ну кому, скажите на милость, надобны воровки? Да еще в том уличенные, то есть пойманные за руку. Так что кончила свои дни эта Наталия в каком-то приюте для неизлечимых венерических больных. Потому как, помимо того, что стала дешевой блудницей, так еще и попивать начала крепко. Где же водка – там жди большие неприятности, а то и беды-напасти. Вот и дождалась: подцепила сифилическую заразу, внимания не обращала, а когда начинало болеть, – заливала тревогу водкой. Болезнь развивалась и достигла последней, плохо поддающейся излечению стадии. У Наталии вскорости провалился нос, стали хрупкими кости, и кончила она свои дни в постели, не могущая ни подняться по неотложной нужде, ни сказать последнее слово.

Клавдея же, наоборот, не своевольничала, не наглела и всегда неукоснительно блюла несколько правил: в хозяйскую кассу не лезть, продукты из ледника не таскать, а желаемый навар делать на постояльцах гостиницы и на клиентах буфетной. К примеру, можно не долить пива; вместо полуфунта мяса подать кусок в четырнадцать, а то и в двенадцать лотов в зависимости от клиента. Ну, уварилось мясо… Ужарилось… Усохло, на худой конец!

Однако ежели можно приказать собаке, ребенку и даже мужу (такое на Руси изредка, но встречается), то времени не прикажешь. Пришло время рожать, а стало быть, и оставлять буфетную. К тому времени прослужившая в посудомойках Капа, она же Ксения или Ксюха, как звал ее Генка, зарекомендовала себя перед держателем «отеля» только с наилучшей стороны. И хоть на роль буфетчика претендовал еще какой-то дальний сродственник супруги Генкиного дяди, на место Клавдеи была взята именно Ксюха. Потому как сродственник, по слухам, изрядно выпивал и рассчитывал на приличное (по-родственному) жалованье, а Ксюха спиртного в рот не брала и, естественно, была согласна на любую сумму. Хозяин положил ей семь рублей в месяц, оставил бесплатный стол и проживание, после чего обе стороны занялись всяк свои делом, оставшись вполне довольные друг другом.

Когда Капитолине исполнилось пятнадцать лет, она уже около полугода работала в буфетной. Разносила еду и питие приезжим, стояла за стойкой, принимала деньги и расторопно отсчитывала сдачу. Не было случая, чтобы хозяин хоть раз не досчитался пятачка. Все у Капы-Ксюши было, как в аптеке. Или как в банке, как стали приговаривать москвичи.

Иногда Капе по ночам снился отчим. Он приходил в ее спаленку на постоялом дворе в Подольске в ночной рубахе и колпаке, садился у изголовья и немигающим взором смотрел на нее. Зрачки у него были черными и огромными.

– Что вам надо? – спрашивала Капа и в испуге натягивала одеяло до подбородка.

– Ничего, – голосом, будто доносившимся со дна колодца, отвечал Герасим Пантелеевич. – Я только хотел, чтобы нам было приятно.

С этими словами он щерился, и из уголка губы стекала на подбородок тягучая струйка слюны.

Иногда сновидения варьировались. Отчим приходил голый, также садился у изголовья и молчал, а Капа не могла оторвать взгляда от его восставшего естества, принимавшего иногда невероятные размеры.

– Видишь, что ты наделала? – наконец, спрашивал он и указывал взглядом на свою плоть.

– Я не виноватая! – вскрикивала Капа, стараясь не смотреть в огромные зрачки отчима.

– А кто виноват? – зловеще вопрошал трубным голосом Герасим Пантелеевич. – Может, Пушкин?

Капа просыпалась после таких снов встревоженная. Она помнила их до мельчайших подробностей, и сны эти в течение дня не раз всплывали в ее мыслях.

– Чего с тобой сегодня? – спрашивал Генка, но Капа отмалчивалась или отвечала односложно:

– Так, ничего.

Несколько раз она задавалась вопросом, а не ищут ли ее в Подольске как убивицу отчима. Вздрагивала и сжималась в комочек, когда в буфетную входил пропустить стопку-другую очищенной водки квартальный надзиратель Игнат Савич Свищев. В подобные минуты она всякий раз отвечала невпопад и глупо улыбалась, отчего у квартального сложилось впечатление, что ум у буфетчицы Ксюши короток и она немного не в себе. Впрочем, так, самую малость… А так, пригожая деваха!

– А вы славные ребята, – заметил как-то Генке с дядей Игнат Савич, махнув одну за другой две стопки «белоголовой». – Приютили убогую сиротку, пестуете ее… Бог вам воздаст за это благодеяние.

– Благодарствуйте, – отвечал Генкин дядя, в уме удивляясь, почему квартальный надзиратель все время называет их Ксюшу убогой, однако не споря и не переча (а перечить полициантам вредно для здоровья, как показывает практика). – Да и то: кто ж, как не мы, поможет сиротке? Верно ведь?

– Верно, очень даже верно, – удовлетворенно отвечал Игнат Савич, затем доброжелательно окидывал взглядом дядю и Генку и уходил, прихватив с собой балычка или зернистой икорки, за что, естественно, как и за принятую водочку, ни гроша не платил.

Впрочем, был полицейский надзиратель Игнат Савич Свищев человеком не из худших, ежели не сказать, из лучших, а что до того, что он не платил в буфетной за водку и закуску, так оно уж как-то повелось. Никто не платил за такие «мелочи», будучи в квартальных надзирателях и имея на «своей территории» гостиницу. Не платил Семен Андропович Сысоев, царствие ему небесное, не платил ушедший в отставку в чине надворного советника Альфред Хасанович Минибабаев. Не платил за сие даже предшественник Игната Савича на должности квартального надзирателя Зигмунд Карлович Шмальтцер. А человек этот, Зигмунд Карлович, надо сказать, был неподкупный и кристально честный. Однажды он отказался от взятки в триста рублей, отчего позже был награжден светлой медной медалью «За непорочную службу» и золотым портсигаром стоимостью в семьдесят пять рублей. О нем даже писали в «Московских губернских ведомостях» с присовокуплением фотографической карточки в парадном мундире и фуражке – о как! Что же касаемо Игната Савича, то он обещался со временем выправить Ксюше законный документ, чтобы жила она спокойно и была бы учтена государственными службами. Себя полицейский надзиратель Свищев числил, несомненно, в числе людей государственных, обремененных посильной властью.

Однажды Генка пришел в буфетную хмурый.

– Надоело, – с ходу буркнул он и в сердцах топнул ногой.

– Что надоело, Гена? – не поняла его настроения Ксения.

– Все!.. Все надоело! – Геннадий сел у стойки и уныло уставился в пол. – До чертиков! Надоело прислуживать всем, надоело выпрашивать у дядьки гроши; беспросвет полнейший надоел, от которого спасу нету. Ведь ничего не происходит, понимаешь? День похож на день, и завтрашний день будет такой же, как вчерашний…

– А что в этом плохого? – удивившись, спросила Ксения.

– А что же тут хорошего, – махнул рукой Геннадий. – Нет, может, кому-нибудь такой расклад жизни и нравится. Старичку какому-нибудь… Чтоб день за днем ничего не происходило. Но… Только не мне, – заключил он.

– Покушать хочешь? – спросила Ксения и участливо посмотрела на Генку. – Супчику, а?

– Да какого супчику! – вскричал уже Геннадий и зло посмотрел в глаза девушке. – Неужели ты не понимаешь, что это гибель! Для этого я заканчивал гимназию? Чтобы прислуживать потом проезжим крестьянам, торговцам и коммивояжерам, считающим копейки?!

– Ну-у, я не знаю…

– Вот именно! Ты не знаешь! И ни черта не узнаешь, если всю жизнь проведешь в этой буфетной… А я знаю, не для этого!

Генка встал и подошел к Ксении.

– А ведь где-то есть другая жизнь, – мечтательно и воодушевленно произнес он. – Там звучит музыка. Там люди ходят в театр… Веселятся… Влюбляются… Ты была хоть раз в театре?

– Нет, – ответила Ксения.

– И не будешь, ежели всю жизнь проторчишь здесь, – усмехнулся Геннадий. – А я был… – Он мечтательно закатил глаза. – Это незабываемо. Волшебно…

Ксения вдруг вспомнила графиню Головину, которую видела на постоялом дворе в Подольске, когда была еще Капой. Вспомнила, как она была одета, как мягко сползал по ступеням шлейф ее платья, как высоко и гордо держала голову… Графиня, в этом не было никакого сомнения, была из другой, волшебной жизни, которая есть и о которой сейчас и говорит Геннадий. Есть другая жизнь! Но ее, Капы, в этой жизни нет. Прав, тысячу раз прав Генка…

– И что же делать? – простодушно спросила Ксения.

Это вопрос был задан с каким-то необъяснимым оттенком отчаяния и безысходности, чего молодой человек совершенно не ожидал от девушки.

Генка поднял голову и понял, что говорил не в пустоту, и в лице Ксюхи нашел благодарную слушательницу и собеседницу. А возможно, и единомышленника…

– Пока не знаю, – не сразу ответил он. – Подумать надобно…

*** * ***

Мысли – это, по сути, наши чаяния, надежды, ожидания. Оформленные, так сказать, в некие образы, которые потом будут озвучены в словах. Конечно, существует научное объяснение того, что такое размышление, возможно, прямо противоположно тому, что было высказано. Что, дескать, это какие-то химические и биологические процессы, происходящие в подкорке головного мозга, вызванные импульсами. И опять-таки, а откуда взялись эти импульсы? Кто их посылает? Человек или Бог? Наверное, все же не человек, поскольку мысли приходят совершенно без его участия. Стало быть, импульсы посылает Бог? Но если это Он, тогда отчего мысли иногда бывают столь, мягко говоря, паскудными, неприличными и откровенно грязными? Да-с…

Генка думал два дня. На третий день ему пришла мысль о побеге.

Бежать!.. Но куда? И главное, с чем? Денег не было, и побег от дяди привел бы к тому, что Генке пришлось бы наниматься на работу. И стать тем же самым человеком на побегушках, прислугой, кем он был и при гостинице дяди. Это значило поменять «шило на мыло», иначе не заиметь от побега никаких радужных перспектив.

Пойти в полицейские? Это после гимназии-то, оконченной едва ли не с отличием? Нет уж, увольте.

Так что же делать?!

На четвертый день пришло отчаяние: состояние души было такое, что хоть волком вой. Мысли уже не приходили, хотя Генка и пытался их вызвать. И такое случается.

Работал он машинально и ни о чем не раздумывая. И, как это всегда бывает, когда уже опускаются руки и кажется, что спасения не существует, за вас вступается некая сила, которую вы не ждали и о которой не имеете ни малейшего представления, подбрасывает вам нечто такое, что решение находится как бы само собой. Неведомая сила, зачастую опекающая нас и вступающая в действие только в момент полнейшего отчаяния, подбросила Генке пистолет. Вернее, пугач с холостыми зарядами, исполненный как настоящий «Кухенрейтер», не отличить. Нашел Генка его в нумере господина Кислицкого, торговца скобяным товаром, разъезжающего по подмосковным слободам и селам, когда принимал от него комнату.

Кислицкий съехал, Генка еще раз осмотрел освободившийся нумер – все ли в нем в порядке и можно ли запускать в него очередного приезжего, как вдруг увидел часть рукояти пистолета, торчащую из-под кровати. Верно, постоялец держал пистолет под подушкой – на всякий случай (неплохая, надо признать, привычка для господ, мотающихся по слободам и весям), – и тот выпал, а потом Кислицкий нечаянно подопнул его под кровать, когда встал и принялся одеваться. Парень подошел к кровати, наклонился и достал пугач. И тут в его голову пришла мысль, поначалу показавшаяся безрассудной: использовать найденный пугач для добывания денег. Не для того, чтобы выходить с ним на большую дорогу и, приставив пистолет к виску жертвы, требовать у него кошелек (Генка не был столь глуп, чтобы приняться за разбой). Можно было ту же ситуацию с отбиранием денег представить так, чтобы жертва отдала их добровольно. Ну, или почти добровольно. От большого испуга.

План полностью оформился, когда Генка вспомнил, как его двоюродный брат застал однажды свою жену с хахалем. Для интимных встреч полюбовники снимали меблированную комнату, и кто-то из знакомых Генкиного кузена увидел его жену с франтом. Они входили в нумер меблирашки. Знакомый рассказал об этом, и кузен решил проследить за женой. И проследил. В смысле, выследил, когда она с любовником вошла в меблирашки. Малость подождав, он ворвался в комнату и увидел полураздетую супругу, сидящую у франта на коленях.

Франт был совершенно голый. Вид раздетого мужчины не оставлял сомнений относительно его дальнейших намерений. Завязалась драка, в результате которой любовник, прихватив портки, сбежал через окно, бросив все свои вещи, включая трость, часы и портмоне. Часы оказались серебряными, с музыкой; трость была весьма дорогой, с набалдашником из слоновой кости, а в портмоне лежало шестьдесят рублей с мелочью. Конечно, все это осталось у Генкиного кузена в качестве компенсации за поруганную честь. А со своей супружницей, проучив ее изрядно (после чего она пару недель остерегалась появляться на людях из-за синяков), он благополучно развелся, почти мгновенно получив разрешение Святейшего Синода, потому как обер-прокурор не терпел женских измен и к их проявлению был неизменно строг, ежели не сказать суров.

Вот и Генка задумал нечто подобное. А в случае ежели соперник окажется сильнее и станет сопротивляться, тут-то и пригодится липовый «Кухенрейтер». На роль несовершеннолетней сестры он наметил Ксюху.

А кого же еще?

* * *

С Ксюшей пришлось повозиться. Поначалу она ни в какую не желала изображать из себя рано созревшую легкомысленную девицу, про которых говорят «из молодых, да ранних». В конце концов, Генка упросил Ксюшу «попробовать один раз, и все».

– Только один раз, обещаешь? – сдалась Ксюша на уговоры парня, ранее принявшего в её судьбе столько участия.

Ее задача состояла в том, чтобы строить глазки и охмурять клиэнтов, собиравшихся остановиться на ночь. Конечно, не каждого, а только тех, кто мог поддаться чарам молодой барышни.

Первого возможного «клиэнта» Генка отверг сразу. Это был средних лет приказчик, посланный хозяином в Москву для ознакомления с нужным товаром. Он хоть и был при деньгах, но вид имел благообразный и не стрелял глазами в Ксюшу, а просто-напросто спросил нумер и отправился спать. К тому же, судя по кольцу и фотографической карточке с изображением миловидной дамы с ребенком на руках, которую он несколько раз доставал из портмоне и любовно рассматривал, приказчик являлся примерным семьянином, и подбить

его на измену дражайшей супруге представлялось безнадежным делом. Вследствие чего, войдя в буфетную, где постоялец закусывал бутербродами, Генка отрицательно мотнул головой, что означало: отбой! Ксюша в ответ незаметно кивнула и перестала улыбаться и светиться взглядом. Обаяние теперь надлежало приберечь и «включать» только в необходимых случаях.

На улыбку Ксюши и излучающий нежность и доброту взгляд клюнул коммивояжер из Саратова, некто Лев Михайлович Жаржевский. Он крепко задержался в дороге, посему до пригорода Москвы добрался уже в двенадцатом часу и решил заночевать в гостинице. Дядя уже спал, а поэтому принимал его и выделял нумер Генка. Он сразу заметил отсутствие кольца на безымянном пальце и несколько скучающий взгляд холостого мужчины.

– Устали? – участливо спросил Генка.

– Есть немного, – ответил Лев Михайлович.

– Может, перекусите с дороги? – предложил парень. – У нас здесь очень хорошая буфетная.

– Да? – пожал плечами Жаржевский. – Пожалуй, что не помешает.

Генка проводил его до нумера, а когда тот, переодевшись, вышел в коридор, довел его до буфетной.

– Вот, прошу вас, – вытянул он вперед руку, приглашая войти, и незаметно кивнул Ксюхе. Та точно так же кивнула в ответ.

Коммивояжер Жаржевский вошел – и с этого момента подпал под чары Ксюши. Вернее, у девушки неопытной и чары были не очень, но ежели очень приспичило, так подпадешь под самый незамысловатый шарм.

Буфетчица показалась Льву Михайловичу прехорошенькой. Впрочем, она и была таковой. К тому же в женщине, пусть даже молоденькой и неопытной, привычка очаровывать мужчин заложена самой природой (змея ведь тоже существо безгрешное, и яду она не выпрашивает: его она получает от рождения). И когда красота и очарование сливаются с обаянием, ни один мужчина устоять перед этим не может…

– Что желаете? – бархатно произнесла Ксюша и миловидно улыбнулась. – Устали, поди, с дороги.

– Есть такое дело, – улыбнулся в ответ Лев Михайлович.

– Тогда присядьте, – еще милее улыбнулась Ксюша. – Во-он за тот столик, – указала она на столик у окна. – Я сейчас вас обслужу.

Жаржевский прошел к столику и присел. До этого он успел несколько раз кинуть взор на грудь девушки, и она показалась ему совершенной.

«Вот бы потрогать ее, – подумалось Льву Михайловичу. – Верно, упругая! А еще лучше, поцеловать. Прямо в сосочек, который потом затвердеет, как… Ух ты, накатило!» – почувствовал он в своем организме значительные изменения.

Коммивояжер Жаржевский поерзал, устраиваясь поудобнее, а мысли его уже мчались далее, а фантазии становились все смелее. Что там какой-то девичий сосочек…

– Итак, мы можем вас угостить жареными фазанами, пастетом из гусиной печенки, расстегаями, пирогами с грибами и кашей, царской ухой, ежели пожелаете, отварной телятиной и фаршированной щукой.

– Вот! – воскликнул Лев Михайлович. – Щука будет в самый раз. Непременно фаршированная.

– Вино? – поинтересовалась Ксения.

– Нет, то есть, конечно же, да, – поправился Жаржевский, впавший в некоторое замешательство из-за чувств, бурливших внутри него. – Малага у вас есть?

Этот дворянский напиток в буфетной имелся. А как же без него! Без него и душистой мадеры и буфетная не буфетная, а просто столовая для неимущих граждан…

– Конечно, – при этих словах Ксения так посмотрела на коммивояжера, что его беспокойная плоть причинила ему неудобства еще на целый дюйм.

Кажется, девушка сама удивилась своему взгляду. Ведь он получился обещающим ласку, радость и наслаждение. Так иногда смотрят на мужчин женщины, когда хотят дать понять, что они абсолютно не против соития. То есть слияния тел, после которого следует наступление неги. Такой взгляд получился у нее впервые. Так Капа-Ксения еще никогда ни на кого не смотрела…

Щука была великолепна. С ядреным чесночком, свежей зеленью и хорошо проваренной кашей.

Лев Михайлович облизывал пальчики и все время посматривал на девушку. Иногда их взгляды встречались, и тогда Ксения загадочно улыбалась и не сразу отводила взгляд.

Последний посетитель, потягивавший пиво с раками за угловым столиком, напился и наелся и отвалил, торжественно и неспешно неся впереди себя живот, подобно тому, как грузчики носят особо ценные тяжелые вещи – наклонившись назад и мелко ступая раздвинутыми вширь ногами.

В буфетной, кроме коммивояжера и Ксюши, никого не осталось.

«А что, может, попробовать? – задал сам себе вопрос Лев Михайлович. – Девица явно мне симпатизирует, почему бы и не попробовать… К тому же молода, свежа. Не каждый день такая глазки строит».

Он дожевал и проглотил последний кусок фаршированной щуки, сделал большой глоток малаги и, немного помедлив, спросил:

– А вы не могли бы присесть со мной?

Вопрос не был из разряда неожиданных, но Ксюша все же вздрогнула. Не сразу, но она ответила:

– Да, пожалуйста… Если вы желаете.

Выйдя из-за стойки, она поправила на себе платье, тронула зачем-то наколку на голове и подошла.

– Присаживайтесь…

Жаржевский был сама вежливость и предупредительность:

– Что вы предпочитаете: конфекты или пирожные?

Ксения, всего-то несколько раз в жизни пробовавшая конфекты и лишь однажды эклеры, ответила:

– Пирожные.

– Прекрасно! Тогда прошу: принесите за столик четыре пирожных. Два мне и два себе.

– Благодарю вас, – ответила Ксения и, немного смутившись, вернулась в буфетную и принесла затем четыре пирожных на фарфоровом блюдце.

– Кушайте, что же вы, – произнес Лев Михайлович и принялся наблюдать за тем, как девушка, мелко откусывая, поедала пирожное. Когда она, кусая, показывала чистые белые зубки, коммивояжер все более и более возбуждался. Черт побери, до чего же она была хороша в этой своей девичьей непосредственности!

– Наверное, вам здесь довольно скучно живется, – начал он разговор издалека. – Монотонная работа, посетители всякие, суета…

– Да, немного скушно, – согласилась Ксения, скривив чуток красивые губки.

– Наверное, хочется развлечений и веселия разного, ведь вы девушка молодая, красивая, – продолжал наступление тихой сапой Лев Михайлович. – Сколько вам лет, простите?

– Семнадцать, – соврала Ксюша.

– Ну вот, – улыбнулся Жаржевский и сладко посмотрел на девушку. – В таком возрасте только и надо, что веселиться. А вы вынуждены прислуживать в буфетной. Это в высшей степени несправедливо. Вы не находите?

– Так что же делать? – просто спросила Ксения и принялась за второе пирожное. Оно, как ей показалось, было намного вкуснее первого.

Коммивояжер просто умилился такой естественности. К умилению примешивалась похоть, и он решил, что настала пора брать быка за рога. Ксения представлялась легкой добычей, ведь опытному мужчине охмурить и увлечь молодую простушку особого труда не составляет, не правда ли?

– Что делать?.. А я вам отвечу: принимать все, что дарует вам щедрая судьба, – быстро произнес Жаржевский. – В том числе новых знакомых, которые желают вам только счастья и намерены оказать вам свое участие и доброту…

С этими словами Лев Михайлович взял ладонь Ксении в свою и выразительно посмотрел девушке в глаза.

– Вы прелесть, милая, – тихо произнес он. – Вы просто чудо. Будь у меня такая девушка, как вы, я бы ничего для нее не пожалел. За ее доброту ко мне и расположение, – добавил он, искоса глянув на девушку.

– А что бы вы не пожалели? – медленно высвобождая свою руку, произнесла Ксения и хитро посмотрела в глаза коммивояжера.

– Да ничего не пожалел бы, – воскликнул Лев Михайлович, нутром почувствовав скорую победу.

– А точнее? – прищурила глаза девушка.

– Точнее? – Жаржевский какое-то мгновение решался, а потом страстно выдохнул: – Золотой браслет, к примеру. Рубиновые бусы. Еще сережки с изумрудами. Бриллиантовую брошь. Да что хотите…

– Да?! – глаза у Ксюши стали размером с блюдце. – И все это вы мне можете подарить?

– Ну-у… не то чтобы вот так взять и подарить, – немного замялся Лев Михайлович. – Но что-то из вышеперечисленного вполне может стать вашим, если вы… – он судорожно сглотнул, – не откажетесь пройти со мной в мой нумер, чтобы… чтобы все это примерить, – наконец, закончил коммивояжер свою тираду. Ведь пригласить девушку в свой нумер – это уже полдела. А там уже пойдет по накатанной…

* * *

– Прошу вас, прошу, – Лев Михайлович галантно растворил дверь своего нумера, пропуская в него Ксению. – Вот мои апартаменты. Как изволите видеть, они несколько не соответствуют тому, чтобы приглашать такую очаровательную девушку, как вы… Впрочем, зачем я вам все это говорю? Вы ведь и без меня все это видели и прекрасно знаете.

Он немного нервно засмеялся, не зная, куда девать руки. Будь Ксения постарше и опытней, он бы не тушевался и тотчас принялся бы обниматься с ней, лаская ладонями её тело. Поцелуи, взаимные прикосновения, то да се… Но Ксения была очень молода, и форсирование событий могло ее напугать (еще сбежит, чего доброго!). Следовало вести себя деликатнее, чтобы подвести к завершающему приятному финалу.

Ксения вошла, и краска стыда залила ее щеки. Она еще никогда не входила в нумер к мужчине, разве чтобы убраться, да и то в его отсутствие. Теперь же был совершенно иной момент, и она чувствовала, что этот коммивояжер хочет от нее того же, чего хотел на постоялом дворе в Подольске ее отчим. Это пугало.

До какой степени она может уступать мужчине? Что он от нее потребует?

А если Генка зазевается? А если коммивояжер закроет дверь на ключ? Впрочем, вторые ключи от всех нумеров у Генки имелись. Но все равно, быстрее бы все это закончилось…

– Вот, пожалуйста, – Жаржевский достал чемодан из хорошей кожи и открыл его крохотным ключом, – смотри и любуйся. – С этими словами он стал выкладывать на постель броши, портсигары, цепочки, сережки и браслеты. – Смотри, милая, смотри, хорошая моя…

Он усадил Ксюшу на кровать и сам присел рядом. От него пыхало жаром, словно от деревенской печки, и Ксюша сделала попытку отодвинуться, но Лев Михайлович предупредительно приобнял ее за талию и удержал возле себя:

– Что тебе нравится здесь больше всего?

Конечно, здесь было на что посмотреть. Ведь ничего подобного девушка не видела и тем паче никогда не имела. Перстенек и эмалевая брошка, оставшиеся после маменьки, не шли ни в какое сравнение с богатством, что было разложено сейчас мужчиной на покрывале. Золото, изумрудные каменья и тусклый свет, исходящий от жемчужных бус, кружили голову. Вот бы все это было ее…

– Все нравится, – ответила Ксюша и взяла в руки бриллиантовую брошь. – Вот, брошь, к примеру.

– А у тебя губа не дура, – засмеялся Жаржевский, любуясь лицом Ксюши и пододвигаясь ближе. – Хочешь примерить?

– А можно? – спросила Ксюша.

– Конечно! – энергично воскликнул Лев Михайлович, прижавшись к девушке. – Тебе все можно, дорогуша.

Ксения стала примеривать брошь на фартук.

– Сними его, – сказал Жоржевский.

– Чего снять? – не поняла будто бы девушка.

– Фартук свой сними. Разве брильянтовые броши носят на фартуках? Это же нонсенс!

Ксения послушно сняла фартук и прицепила брошь. Потом прошлась по комнате, поглядывая то на брошь, то на Жаржевского. Ее платье в оборках, ладно облегающее девичью фигурку, привело коммивояжера в восхищение. Тем более что, глядя на это платье, многое просто не нужно было домысливать.

– Прелесть! – не уставал восторгаться Ксенией Лев Михайлович. – Ты просто прелесть, милочка моя!

– Спасибо, господин хороший.

Ксения потупилась и принялась отстегивать брошь.

– Не торопись, милая, – остановил ее Жаржевский. – Хочешь, чтобы эта драгоценная брошь была твоей?

– Конечно, хочу! – ответила Ксения, не веря своим ушам. – А разве это возможно?!

– Возможно, еще как возможно, – сладко улыбнулся Лев Михайлович. – Но для этого ты должна будешь кое-что для меня сделать…

– Что? – спросила Ксения и замерла.

В разговоре с Генкой был обозначен предел ее действий. Крайняя граница. Естественно, о лишении девичьей чести не было и разговора. Как не было разговора и о том, чтобы раздеваться или дать себя раздеть клиэнту догола. Но вот снять платье и остаться в нижней юбке и панталонах – это допускалось…

– Ты должна быть со мной ласкова, – произнес Жаржевский и цепко посмотрел Ксении в глаза. – Я ведь не сделал тебе ничего плохого?

– Ничего, – согласно ответила Ксюша.

– Правильно. Я и не собираюсь делать тебе ничего плохого. Просто… – он сглотнул, – иди ко мне…

Ксения неловко подошла к коммивояжеру и остановилась от него в двух шагах.

– Ближе, – потребовал он.

Ксения сделала шаг.

– Ну, душечка моя, подойди ближе, – почти взмолился Лев Михайлович, очевидно, не в силах более сдерживать себя. – Сядь мне на колени.

Ксения медлила.

– Прошу тебя…

Она осторожно присела ему на колени и почувствовала, как что-то твердое уткнулось ей в ногу.

– Сними платье.

– Что вы такое говорите? – не очень уверенно произнесла девушка.

– Ты хочешь, чтобы брошь стала твоей? – задыхаясь, произнес Жаржевский.

– Хочу, – быстро ответила Ксюша.

– Тогда сними платье. Я хочу посмотреть на тебя… в неглиже. Это все, что мне от тебя нужно.

Он снова сглотнул.

Ксения поднялась и принялась стаскивать с себя платье. Она слушала тяжелое сопение коммивояжера и боялась, что он сейчас начнет ее лапать.

Так оно, собственно, и произошло. Лев Михайлович, очарованный тем, что девушка осталась без платья, в одной короткой нижней юбке, из-под которой на два дюйма выставлялись кружевные панталоны, рывком поднялся с постели и заключил ее в объятия. Он целовал ее лицо, ласкал грудь, теребил упругие ягодицы и, распаляясь все больше и больше, пытался добраться до самого сокровенного, что имеется у девушки. Ксения, как могла, изо всех сил сжимала колени, однако толстая ладонь Жаржевского медленно, но верно продвигалась к намеченной цели.

– Милая, – бормотал коммивояжер, похоже, совершенно потерявший от вожделения голову, – славная моя, хорошая. Ну, чего тебе стоит… – Он почти молил… – Приласкай меня… Дай мне тебя потрогать. Ведь не убудет же у тебя. За это у тебя будет подарок – брошь, которая тебе так понравилась. Ну же, сладенькая моя…

Жаржевский схватил ее руку и прижал к низу своего живота. Ксения ужаснулась: неужели такая штуковина может поместиться в ее сокровенном месте? Да еще полностью? Быть не может!

– Ну же, девочка моя, ну…

Он все сильнее прижимал ее ладонь к своей плоти. Невероятно, но его возбуждение понемногу начало передаваться и ей. Нельзя сказать, что он нравился Капе-Ксюше, но во всей этой ситуации было нечто такое, отчего у нее закружилась голова, и внизу живота сделалось влажно. Потом как-то так случилось, что она перестала сжимать колени, и ладонь Жаржевского достигла, наконец, вожделенного места. Когда это случилось, горячая волна захлестнула ее с головы до пят, и она уже не имела ни сил, ни желания сопротивляться мужчине.

– Девочка, девочка моя, сладкая моя… – зашептал Жаржевский, будто в бреду, и в это время дверь нумера широко распахнулась.

Поначалу коммивояжер ничего не заметил и, громко сопя, продолжал свои действия. Его палец уже коснулся охраняющих вместилище жестких завитков, отчего по телу Ксении побежали сладкие мурашки, когда Генка, нахмурившись и напустив на себя грозный вид, громко произнес:

– Эт-то что такое здесь происходит?!

– Ой, – вскрикнула от неожиданности Ксения (это правда, она тоже забылась, и все, о чем говорили они с Генкой, вылетело из головы) и отпрянула от коммивояжера. А Лев Михайлович, еще не вполне понимая, что произошло, уставился потемневшими от страсти глазами на вошедшего Генку.

– Чт-то… вам здесь нужно? – кое-как совладал с собой он.

– Что?! – подпрыгнул на месте Геннадий. – Он еще спрашивает, что мне здесь нужно?!

Его возмущению не было границ. Кажется, он негодовал взаправду.

– Да, сударь, я вас спрашиваю, что вам здесь нужно?! – повторил уже полностью пришедший в себя Лев Михайлович. Его естество, потеряв всякий интерес к происходящему, мгновенно впало в дрему, и пелена вожделения улетучилась. Жаржевский снова стал зрячим. Теперь перед Генкой стоял уже не сгорающий от страсти к девице любовник, а разгневанный мужчина, в нумер которого ворвался, несмотря на ночное время, незваный гостиничный служка. Причем ворвался в буквальном смысле слова, без стука и не спрашивая разрешения, что делать, согласно гостиничному уставу, категорически запрещалось… – По-о-отруди-и-итесь-ка ответить!

– А вы, господин хороший, потрудитесь ответить, что это вы проделывали здесь, в своем нумере, с моей несовершеннолетней сестрой! – взорвался Генка и приблизился к коммивояжеру явно не для того, чтобы с ним расцеловаться или предложить сыграть в подкидного.

Последняя реплика «брата» озадачила Льва Михайловича. Он скользнул взглядом по девушке, сжавшейся в робкий комочек, и решил, что, пожалуй, придется откупаться. Ведь ежели «брат» разнесет о случае в гостинице, как говорится, по городам и весям, то это может крепко подпортить его репутацию.

– Я не знал, что это ваша сестра, – уже примирительно произнес он. – Но готов загладить возникшую неловкость… красненькой.

– Что? – вскинулся Генка. – Червонец за такое семейное оскорбление?! Может, мне сейчас сбегать в участок к квартальному надзирателю, чтобы он пришел и разобрался, что к чему?

Дело принимало скверный оборот. Обращение гостиничного служки к квартальному надзирателю, явно здесь прикормленному, грозило, по меньшей мере, отступными в пятьдесят рублей. И это в лучшем случае…

– Хорошо, хорошо, – заставил себя улыбнуться Жаржевский. – Зачем же сразу бежать к квартальному? Мы с вами вполне можем сами разобраться… Полюбовно.

– Полюбовно – это как? – продолжал наседать Генка.

– Это тридцать рублей, – быстро ответил коммивояжер. И, невольно вздохнув, добавил: – Еще вот. Вашей сестре.

С этими словами Лев Михайлович выбрал из горки высыпанных на постель дорогих безделушек колечко с рубином и протянул его Ксюше.

– И все? – наглел на глазах Генка. – За попытку надругательства над моей сестрой вы предлагаете тридцать рублей и дешевое кольцо?

– Какое надругательство? – вознегодовал Лев Михайлович. – Да она по собственной воле пришла ко мне в номер! На аркане ее, если хотите знать, никто не тащил…

– Так и было? – нахмурил брови Генка, уставившись на «сестру».

– Нет, – Ксюша отрицательно мотнула головой и, отняв руки, которыми она прикрывала грудь, погрозила Жаржевскому пальцем: – Как вам не стыдно обманывать, господин хороший! А еще пожилой человек.

Гневные слова, готовые уже было вырваться наружу, перепутались, и вместо фразы, скажем, «Да как вы смеете!», оформились в единственный выдох:

– Сколько?

– Сто рублей, – не моргнув глазом, ответил вконец обнаглевший Генка.

Ксения даже вздрогнула от этих слов и опасливо покосилась на «брата», который, на ее взгляд, явно «перебарщивал». Но Генка ответил на ее взгляд невозмутимым взором и добавил, указав на бриллиантовую брошь:

– И вот это…

– Что?! – взвился коммивояжер.

– Еще вот эту брошь, – спокойно произнес Геннадий, холодно глядя прямо в коммивояжерские глаза. – В качестве моральной компенсации моей сестре за нанесенное оскорбление. Согласитесь, посягательство на девичью честь есть несомненное оскорбление, и стоит оно недешево. В полицейском участке за это спросили бы с вас гораздо дороже.

– Однако… – начал было нетвердо Лев Михайлович, но Генка его оборвал:

– Иначе я иду в участок.

Первое «дело» Ксении и Генки успешно завершалось.

Коммивояжер Лев Михайлович Жаржевский, скрипя зубами и проклиная себя последними словами за то, что поддался влиянию зова плоти, вместо того чтобы думать головой, выдал Геннадию сто рублей ассигнациями и вручил Ксении бриллиантовую брошь. При этом он не смотрел в ее глаза, а ежели бы посмотрел, то не смог бы не заметить смешливых искорок и явного ублаготворения.

Девушка, что перед ним стояла, была уже не той простушкой, каковой была еще несколько часов назад. В ее голове, да и во всем миропонимании произошли за два с небольшим часа такие серьезные изменения, каковые у иных девиц и дам не происходят и за двадцать лет (а то и за всю жизнь). Оказалось, что деньги можно делать из воздуха. Надо просто использовать для этой цели человеческий страх и слабости, играя на них, как на балалайке или мандолине.

Коммивояжер Жаржевский, не дожидаясь утра, съехал, дав себе крепкий зарок объезжать это место за версту и уж тем паче никогда не останавливаться здесь… даже на тарелку горохового супа.

Глава 3
Аппетит приходит во время еды

Второй случай не заставил себя долго ждать…

Когда этот пожилой господин, важно неся перед собой огромный живот, вошел в буфетную, тотчас за ним показался Генка. Мигнув, он сразу исчез. Ксения поправила белоснежную наколку, одернула фартук и улыбнулась:

– Чего желаете?

– Севрюжки, пожалуй, – важно ответил господин с животом и так посмотрел на Ксению, словно собирался скушать и ее в качестве десерта.

Ксения исполнила заказ и затихла, как хищник, скрадывающий добычу.

В общем-то, мужчины все весьма примитивные существа. Разгадать, что у них на уме, ничего не стоит. Надо только пару раз встретиться с ними взглядом и услышать в ответ парочку фраз. И можно сделать безошибочный вывод: хочет вас мужчина или еще нет. А если нет, то мгновенно включается некий затаенный механизм обольщения, причем полученная легкая или тяжелая (это уж от ситуации) обида (вас почему-то не хотят) многократно усиливает этот механизм.

В случае с господином с животом все было предельно ясно: если ему дать понять о своей доступности, то господин этот ваш! Но надлежало его не спугнуть, ибо мужчины, несмотря на развитую мускулатуру (у некоторых), народ весьма и весьма боязливый, особливо с женщинами и собаками. Поэтому Ксения и заняла выжидательную позицию, предопределяя господину с животом самому сделать первый шаг.

– Вам понравилось? – спросила Ксения, когда тот откушал сытной севрюжки и запил ее красным вином. – Не желаете ли еще что-нибудь?

Она сахарно улыбнулась и остановила на новом постояльце добрый и ласковый взгляд. Теперь она могла нарочно делать его таковым. Научилась Ксюша и обещать взглядом, делая глаза смеющимися – так, всего-то самую малость – и придав им чуточку нежности…

– Нет, благодарю вас, – ответил господин. Теперь ему вроде бы можно было уходить в свой нумер, дабы предаться отдыху, а то и вовсе отойти ко сну, но он почему-то медлил. Ксения уже знала почему и всячески поощряла его взглядом…

– Погоды-то нынче какие неустойчивые, а? – произнес господин с животом и выжидающе посмотрел на Ксению.

– И не говорите, – охотно поддержала разговор Ксения. – То ветер, то зной.

– Да-а, – протянул постоялец, видимо, не находя новой темы для разговора. – Надворный советник Сысоев, – представился он, дабы пауза казалась не слишком утомительной. – Арнольд Артамонович.

– Очень приятно, – сделала за стойкой неглубокий книксен девушка. – Ксения Михайловна Балабанова.

– Да? – удивленно промолвил надворный советник. – Уж ли не Михаила ли Демьяныча дочка? Царство ему небесное.

– Нет, – понурила хорошенькую головку Ксения. – Я сирота.

Арнольду Артамоновичу тут же захотелось погладить девушку по головке и плечам и вообще как-то «пожалеть», как он это сам понимал. А понимал он так: привести девушку в свой нумер, разговорить, представить себя лучшим другом и советчиком, а потом уложить в постелю и предаться с ней неге и наслаждению, шепча всякие ласковые слова, что-то вроде «все будет хорошо» и «Бог воздаст».

– Понимаю вас, – сокрушенно покачал головой Арнольд Артамонович. – Я и сам, знаете ли…

Здесь он хотел добавить «полный сирота», но не стал искушать Бога, так как и по сию пору благополучно проживала в своем имении Мокрая Выпь его матушка Настасья Евлампиевна, а батюшка его, Артамон Сергеевич, преставился всего-то три года назад, когда Арнольду Артамоновичу стукнуло сорок четыре. А потом, в его возрасте остаться сиротой – дело обычное.

– Да? – посмотрела на него Ксюша, как сестры смотрят на своих любимых братьев. – Значит, и вы тоже?

Господину надворному советнику Сысоеву ничего не оставалось делать, как только согласно покачать головой и несколько раз сморгнуть, будто бы отгоняя докучливую слезу.

В отличие от Арнольда Артамоновича, глаза Ксюши мгновенно наполнились влагой (этому ей выучиваться было не надо, все как-то получалось само собой – достаточно было вспомнить, как однажды поломалась шпилька от волос). Барышня всхлипнула и отвернулась, будто бы стесняясь перед посторонним человеком своих слез, что привело господина надворного советника в чрезвычайное умиление. Ему тоже захотелось поплакать вместе с девушкой, после чего, сделавшись ее лучшим другом, увести её немедленно в свой нумер.

– Ксения Михайловна, вам нехорошо? – участливо спросил надворный советник Сысоев, не сводя взгляда с прелестной девичьей шейки. – Может, пройдемте ко мне в нумер? Я дам вам несколько советов, которые выстрадал сам, путем, так сказать, проживания некоторого отрезка своей жизни… Есть здесь кому заменить вас?

– Есть, – еле слышно ответила Ксюша и повернулась к Сысоеву. – Вы очень добры ко мне, Арнольд…

– Артамонович, – подсказал девушке надворный советник. И добавил: – Для друзей можно просто Арнольд.

– Хорошо, Арнольд.

Ксения бросила короткий взгляд на Сысоева, и он остолбенел, прочитав в этом взгляде уважение и восхищение. Она им восхищалась! А это значило, что у него все получится…

Советы девушкам лучше всего давать в отдельных кабинетах, а не за буфетной стойкой. В этом господин надворный советник был совершенно прав. Ибо совет тогда по-настоящему полезен, когда предоставлен не на скорую руку, а обстоятельно, в заповедной тишине, когда можно, держась за руки (а лучше сжимая девицу за плечи), нашептывать на ушко премудрые слова. Безо всякого умысла, конечно, и подоплеки…

В нумере Арнольда Артамоновича тускло светил единственный ночничок.

Когда они вошли в комнату, Сысоев незаметно для Ксении запер дверь. Вернее, надворный советник думал, что незаметно. Ксения этому значения не придала, потому как у Генки были ключи от всех гостиничных нумеров, а от нумера Сысоева, надо думать, он уже держал наготове.

Они прошли до дивана, и Арнольд Артамонович бережно усадил девушку возле себя.

– Ксюша, – ласково начал надворный советник. – Вы ведь позволите так вас называть?

– Конечно, Арнольд Артамонович, – кивнула она головой.

– Дорогая Ксюша, – вложив в свои слова еще большие чувства, сказал Сысоев. – Жизнь, знаете ли, штука сложная. Она как бы испытывает нас на прочность, проверяет все время. И мы должны стойко переносить все невзгоды, которые выпадают на нашу долю. – Он заглянул в ее глаза. – Но бывают в жизни и счастливые моменты, когда она посылает нам друзей, которые всегда могут прийти на помощь. У вас есть такие друзья?

– Нет, – чуть помедлив, ответила Ксения.

– Это очень и очень печально… – Арнольд Артамонович придвинулся ближе к девушке, касаясь ее своим толстым бедром. – Без друзей, которые в любую минуту могут оказать вам помощь и утешить, жизнь трудна, если не сказать, жестока. Хотите, я буду вашим другом?

– Да.

– Тогда вы должны быть откровенны со мной.

Ксения опять с восторгом посмотрела на Сысоева и произнесла:

– Вы милый.

– Благодарю.

С этими словами он обнял девушку и потянулся к ней с поцелуем. Ксения не противилась. Поцелуй в щечку можно было бы считать безобидным, ежели бы не ладонь мужчины, что оказалась на ее колене и медленно поползла вверх.

– Прелестница, – прошептал Арнольд Артамонович на ушко девушке и стал задирать платье. Сейчас, если она не возмутится, не отбросит его руку, можно будет сделать и все остальное. Надо только говорить, говорить, не давая девушке полностью осознать, что происходит. – Дорогуша… Я могу быть очень хорошим другом. Помогать тебе. Советом и даже материально. Конечно, в разумных пределах и по мере возможности. Но и ты должна быть добра ко мне. Ведь дружба – это исполнение обязанностей друг перед другом. И если один из друзей чего-то хочет, то другой просто-напросто обязан исполнить его просьбу. Не спрашивая, зачем это надо… Мы ведь друзья с тобой?

Ксения кивнула.

– Тогда сними платье.

– Это вы просите как друг? – удивленно подняла брови девушка.

– Разумеется! Только не подумай ничего плохого, просто в начале дружбы каждый из нас должен пройти своеобразную проверку, для того чтобы мы поняли, что нам можно доверять друг другу. Ты мне доверяешь?

– Да, – все так же тихо ответила Ксения.

– Тогда снимай платье. И помни, что это – просто проверка.

Потупив головку, Ксюша стянула с себя платье. Ее плечи поразили Арнольда Артамоновича своей мраморной белизной, которая при тусклом свете ночничка просто светилась. Завороженный открывшимся зрелищем, господин надворный советник снова принялся поглаживать ножку Ксении, а вторая его ладонь стала легонько мять грудь.

– Тебе хорошо? – с придыханием спросил Сысоев.

– Да, – просто ответила она.

– Сладко?

– Да.

– Друзья должны делать друг другу приятное…

Арнольд Артамонович приподнялся над Ксенией и стал раздевать ее дальше. Когда она осталась в одних кружевных панталонах и лифе, надворный советник был «готов».

– Милая, хорошая, – бормотал он почти в беспамятстве, потеряв над собой контроль.

Да и было от чего забыться. Ксения в своей девичьей красоте была прекрасна. Никогда в течение последних пятнадцати лет Арнольд Артамонович не испытывал такого блаженства, как в наступившую минуту. Он был женат, но его супружница с годами превратилась в почти бесформенную массу, до которой надворному советнику даже дотрагиваться не доставляло удовольствия. Не говоря уже о том, чтобы проделывать над обрюзгшей массой позволительные в супружестве интимные «упражнения».

А сейчас перед ним стояла богиня. Чиста. Невинна. И была невероятно свежа! От нее даже пахло как-то по-весеннему. Кажется, яблоневым цветом…

Нет, Арнольд Артамонович не кинулся на нее, аки разъяренный зверь. Он молча созерцал волшебную красоту, чтобы продлить блаженство и негу, охватившую его, как можно дольше. Потом медленно поднялся, подошел к девушке и, прижавшись к ней всем телом, особенно нижней его половиной, принялся ее целовать. Всю. Лицо, шею, грудь, колени…

Ксения стояла, запрокинув голову, и ей было приятно чувствовать на своей коже его губы. Но она пугалась того, что будет дальше. И призывала в мыслях Генку, чтобы он поскорее подоспел.

Ну, почему он не идет?

Звук отпираемого замка послышался в тот самый момент, когда надворный советник Сысоев, раздевшись до исподнего, собирался примоститься рядом с Ксенией, уже лежащей на диване.

Он повернул на звук голову, прибавил фитилек ночника и увидел гостиничного служку. Парень медленно входил в нумер и не сводил взгляда с Ксении, которая, присев на диване, прикрыла грудь руками.

– Что здесь происходит? – грозно спросил он.

Арнольд Артамонович вспомнил, что он надворный советник.

– А ваше какое дело? И кто вас сюда звал?

Казалось, парень от этих слов просто задохнулся.

– Как это, «какое мое дело»? – Генка изобразил из себя возмущенного до предела человека. – Вы тут заперлись с моей сестрой, а мне «какое дело»?

– Какой сестрой? – недоуменно спросил Сысоев.

– Вот с этой! – Генка указал рукой на Ксению.

– Ну и что?

– Как это что?! – Похоже, Генка искренне задохнулся в гневе. – Она же еще почти девочка.

– Ну, этого по ней не скажешь, – парировал Арнольд Артамонович. – Да и пришла она ко мне вполне добровольно…

– Это так? – Генка посмотрел на «сестру».

– Они меня уговорили, – тихо произнесла Ксюша, обидевшись. – А потом закрыли дверь на ключ и начали приставать…

Генка округлил глаза:

– Приставать?!

– Да, принудили меня раздеться и…

– Кто принудил, я принудил?! – вскочил с места Сысоев.

– Нет, Пушкин принудил, – недобро посмотрел на надворного советника Генка. – Ты зачем дверь на ключ закрыл? Чтобы над моей сестрой надругаться?

– Да она сама…

– Что сама, дверь закрыла? – не дал договорить Сысоеву Генка. – А потом сама попросила, чтоб ты над ней надругался?!

– Ты мне здесь не «тычь»! – взвился Арнольд Артамонович. – Сопля зеленая! Ишь, моду взяли «тыкать»…

– Ах, так! – Кажется, Генка был в небольшом замешательстве. – Говори, что здесь было, – повернулся он к «сестре». – Правду говори!

– Ну, – не торопилась одеваться Ксения (видно, для полноты картины), – они пригласили меня к себе в нумер. Уговорили. Я пошла без всякой задней мысли, потому что они поначалу показались мне добрыми и безобидными. А потом они закрыли дверь на ключ, принудили меня раздеться и пытались надругаться…

– Что?! – вскричал надворный советник Сысоев и кинулся в сторону Ксении.

Генка, пытаясь защитить ее, бросился навстречу, сбил Сысоева на диван, и завязалась борьба.

– Ты у меня, боров старый, на каторгу пойдешь, – шипел в ухо надворному советнику Генка.

– Нет, это ты, сопляк, пойдешь у меня на каторгу, – сипел в ответ Арнольд Артамонович. – Думаешь, я не понял, что тут у вас творится? Не-ет, молодой человек, я все прекрасно понял. – Сысоев, наконец, оторвал Генкины руки от своей шеи. – Значит, таким образом вы обираете приезжих? Подставляешь какому-нибудь простофиле свою сестру, потом врываешься в нумер и обличаешь заманенного в ловушку, так сказать, в домогательстве сестры? А затем, за ради того, чтобы избежать вмешательства полиции или огласки, требуешь от него «отступного»? Я правильно понял?

– Нет, не правильно, – прошипел в ответ Генка.

В руках у него невесть откуда появился «Кухенрейтер». Сысоев, увидев пистолет в руках врага, стал еще яростнее отбиваться, уже молча, громко сопя. Он перехватил Генкину руку с револьвером и стал ее выворачивать. Пистолет оказался между ними. Какое-то время шла неистовая борьба, а затем раздался выстрел. Генка жалобно вскрикнул и обмяк. Арнольд Артамонович, затихнув на мгновение, вдруг вскочил и с неизбывным ужасом посмотрел на Генку, у которого на груди растекалось алое пятно.

– Боже мой, Боже мой, – повторял он беспрерывно, не отводя взгляда от кровавого пятна. – Что же я наделал?!

Сдавленно закричала Ксения.

Она бросилась к «брату» и стала его тормошить, приговаривая:

– Гена, Геночка!..

Но Геночка не подавал никаких признаков жизни.

Осознав, наконец, весь ужас случившегося, надворный советник Сысоев схватил одежду и бросился вон из нумера. Тень каторги преследовала его до самых гостиничный дверей. А потом он умчался на нанятом извозчике в неизвестном ему самому направлении, лишь бы подальше от гостиницы; в его ушах не прекращал звучать сдавленный крик девушки…

* * *

Одна французская романистка написала книгу, роман в четыреста с лишком страниц. Там одна девица попадает в такие переплеты, что аж дух захватывает. А потом, в самом конце, на предпоследней странице, выясняется, что все это было не что иное, как сон этой девицы. И когда она пробудилась, то не могла определить, проснулась она или еще спит?

Примерно то же самое можно было сказать и про Ксению. Поначалу казалось, что все это ей снится: борьба Генки с приезжим господином, пистолет в его руках, выстрел…

Когда Ксения увидела на груди Генки красное растекающееся пятно, то она потеряла дар речи. У нее не получилось даже крика, – так, какой-то сдавленный хрип. Она не видела, как сбежал из нумера надворный советник Сысоев, не знала, сколько сейчас времени и что ей надлежит делать в сложившейся ситуации. Поймала себя на том, что тормошит Генку и плачет. Слезы из глаз лились рекой.

– Гена, Геночка, – шептали ее губы. – Что же теперь мне дела-а-ать…

– Ну, по крайней мере, перестать реветь, – раздался вдруг спокойный голос.

Ксения застыла.

«Что это? Ей померещилось, или это вылетевшая из Генки душа разговаривает с ней?»

Она всхлипнула и снова залилась плачем.

– Ты что, человеческих слов не понимаешь? – снова раздался бодрый голос Генки. – Тебе же сказано, перестать реветь, значит, надо перестать. И вообще, старших надо слушаться…

Нет, это не душа. Это говорил сам Генка.

А потом парень открыл один глаз. Тот буквально лучился смехом. Открыл второй. И схватил Ксюшу за плечи:

– Ага, испугалась!

Еще пуще заревев, Ксения обхватила Генку руками и прижалась всем телом. «Жив! Жив!» – стучало в мозгу.

А Генка лежал под раздетой Ксенией и не понимал, как надо себя вести.

Решение пришло само собой. Просто, исходя из ситуации.

Он обнял ее за плечи и поцеловал. Потом еще раз. И еще. Она отвечала на поцелуи; а когда его рука, погладив ее ягодицы под тканью панталон, стала проникать дальше, она не противилась и пропустила ее до самого сокровенного места. После чего… наступила благодать.

Слаще этого чувства Ксения никогда не испытывала. После того как естество Генки, как это ни странно, в одно мгновение разрушив девичью преграду, полностью вошло в ее вместилище, по телу разлилось такое блаженство, что после этого можно было бы и спокойно умереть. Но это было лишь начало.

Генка стал двигаться в ней, сопя и постанывая, и ей стало так несказанно сладостно, что она едва не потеряла сознание. А темп его движений учащался.

Кажется, кто-то кричал. И стонал в голос. Возможно, это была она. Или Генка. Потому что двое слились воедино, и было уже не разобрать, одно это существо или два. Да и не имело это никакого значения…

Потом Генка изогнулся, на секунду застыл и тоненько, по-мальчишечьи как-то застонал, содрогнувшись всем телом и вызвав у нее дрожь. А еще через мгновение мир внутри ее взорвался горячей волною, и больше она ничего не чувствовала…

* * *

– А это что? – Она указала пальчиком на валявшуюся на полу рубаху Генки с красным пятном на груди.

– Это малиновое варенье, – усмехнулся он. – Неплохая задумка, а? Я достаю пистолет, дабы застрелить твоего обидчика; тот, естественно, начинает сопротивляться, и в результате борьбы получается так, что он выстреливает в меня в упор. Я умираю, а он, напуганный до смерти, скрывается из гостиницы, побросав все свои вещи и документы. Как тебе?

– Здорово!

После того, что случилось, она смотрела на Генку иными глазами. Из товарища и друга, возможно, единственного, он превратился теперь в ее единственного мужчину и повелителя…

– Итак, наш улов, – Генка посмотрел на выпотрошенный чемодан надворного советника Сысоева, – составляет примерно около восьмисот рублей ценными бумагами и дорогими безделицами, которые нам надлежит покудова припрятать и до поры не трогать… Плюс документы на имя Арнольда Артамоновича Сысоева, которые со временем нам также могут пригодиться. – Он весело посмотрел на Ксюху и подытожил: – Весьма неплохо, а?

– А что мы будем делать дальше? – спросила Ксюша.

– Покамест то же самое. Надо сколотить достаточный капитал, чтобы открыть собственное дело в Москве. – Генка мечтательно потянулся. – Или в Петербурге…

Он не думал о собственном ремесле, домике с садом и спокойной и размеренной семейной жизни с Ксюшей. Ему нравилось то, чем они занимались сейчас. То есть разводкой простофиль и откровенным мошенничеством. А почему бы и нет? Деньги были хорошими и легкими, эта легкость притягивала, а заводить собственное дело означало трудиться. А какой же нормальный человек поменяет воздушные деньги на трудные, пусть даже и при наличии небольшого, как считал Генка, но риска. К тому же рисковать Генке начинало нравиться. А иначе скучновато было жить. А с риском и большими деньгами – весело!

По-другому можно было сформулировать так: зачем жить, если не рисковать и не веселиться?

Подспудно и немного иначе, но примерно так же стала мыслить и Ксюша.

Разумеется, она была бы не против собственного уютного домика с красивым яблоневым садом, но с одним условием: рядом с ней непременно должен быть Генка. С чем она не желала мириться, так это день и ночь работать в гостинице и пресмыкаться перед постояльцами, среди которых попадались как капризные, так и скандальные, а то и вовсе мерзкие типы, и, главное, едва ли не каждый из них хотел заполучить от нее нежности. А этим, кроме Генки, делиться она ни с кем не собиралась.

А Геннадий начинал уже мыслить масштабно. Он подумывал о развитии тандема с Ксюшей.

Почему бы не попробовать гастролировать в паре с ней по крупным губернским городам, а возможно, и по обеим столицам?

Она будет снимать нумер в лучшей городской гостинице, завлекать своим цветущим видом и кажущейся доступностью какого-нибудь богатенького господина, который не прочь завести на стороне ни к чему не обязывающий романчик с молоденькой красоткой. А в самый неподходящий момент в ее нумере объявляется разъяренный «брат» или даже «супруг» и примется учинять скандал «насильнику». А поскольку огласка в таком роде вряд ли кому-нибудь нужна, то «насильник» примется откупаться от него наличными деньгами, ценными бумагами или драгоценностями. Или, нечаянно «убив» Генку, потеряет голову и скроется с места преступления, побросав при этом ценные вещи, деньги и прочее багажное барахло.

Весело? Несомненно.

Но покуда надлежало «работать» здесь…

Как-то после очередной аферы с клюнувшим на Ксению господином, нечаянно «застрелившим» ее «брата» и сбежавшим из гостиницы в мгновение ока, оставив аферистам в бешеной и неистовой спешке свой багаж с довольно большой суммой наличных денег, Ксения спросила Генку:

– Помнишь, ты мне рассказывал про театр? Что это что-то необъяснимое и волшебное?

– Ну, помню, – хмуро отвечал Генка.

– А ты не мог бы… сводить меня туда?

Геннадий искоса посмотрел на Ксюху:

– Для того чтобы идти в театр, тебя надобно соответственно приодеть. Но если мы сейчас накупим тебе разных нарядов, у дядьки сразу возникнет резонный вопрос: «Откуда деньги?» И что мы ему скажем на это? Что мы их выиграли в лотерею?.. Или заполучили солидный куш на ипподроме? – с сарказмом добавил Генка. – Или что мы с тобой занялись…

– Не надо ничего покупать, – перебила его Ксюша. – У меня все есть…

Они прошли в ее комнатку, после чего Ксения заставила Генку отвернуться и долго затем шуршала юбками и платьем. А когда разрешила ему обернуться, то изумленному взору парня предстала молодая и прехорошенькая барышня в дорогом прекрасном платье с оборками и цветами, модной шляпке из сарацинской соломки и атласных туфельках с большими бантами.

Она заметила его восхищенный взгляд и осталась довольна произведенным эффектом.

– Откуда это у тебя? – спросил пораженный Генка.

– Это подарок отчима, – ответила Ксения и покружилась перед взором парня. – Тебе нравится?

Это было не то слово. Ксюха выглядела настоящей барышней, с которой не только что в театр не зазорно было пойти, но и в самый дорогой московский ресторан.

– Хороший, верно, у тебя был отчим, – заметил Геннадий. – Заботливый и не жадный.

– Хороший, – не раздумывая, согласилась Ксения-Капа. Ведь о покойниках, как говорится, либо хорошо, либо ничего…

В Императорском Малом театре на Петровской площади давали пьесу Островского «На всякого мудреца довольно простоты».

Свое первое посещение Малого и состоявшийся спектакль Капа-Ксения запомнит на всю жизнь. Конечно, она не знала ни одного актера, что играли на этой сцене. Слышала, правда, из разговоров постояльцев, что Садовский «уже не тот и ему давно пора бы оставить сцену», что Федотова, как всегда, хороша, а Дмитриевский «в четвертом акте перепутал слова в монологе», а Шумский «был слишком медлителен»…

Она и понятия не имела, что в спектакле занят самый цвет Малого театра, актеры, имена которых станут бессмертными. Ксения просто как вошла в здание театра, так в нем и растворилась.

Это и правда было волшебство. Она забыла, кто она и что. Забыла, где и с кем. Она была и здесь, рядом с Генкой, тоже завороженно следящим за ходом спектакля, – и там, на сцене, вернее, в той жизни и в том мире, который представляли актеры.

Они и правда были великолепны: молодой Вильде, исполнявший роль Глумова; Таланова в роли его матери, Пров Садовский в роли богатого барина Нила Мамаева, Шумский в роли очень важного старикана Крутицкого, Федотова в роли милой Машеньки, Дмитриевский в роли пустозвона Голутвина…

Весь спектакль Ксения просидела не шелохнувшись, проникаясь идеей, заложенной в самом названии, и сюжетом.

А был он таков.

В Москве, после реформ государя императора Александра Второго, открывших новые возможности для умных и предприимчивых людей, главный герой пьесы Егор Дмитриевич Глумов сообщает матери, что ему хочется иметь в обществе вес, для чего он намерен делать себе карьеру путем знакомств в высшем московском свете. Глумов быстро окручивает сановника Мамаева и, пользуясь его расположением, знакомится с важным господином в чине Крутицким, которому тоже нравится. Он умеет нравиться нужным людям, этот Глумов, в том числе и супруге Мамаева.

Скоро он становится у всех на слуху, как весьма достойный и перспективный молодой человек. Его принимают в «общество» и даже рекомендуют в качестве жениха Машеньке, невесте с двухсоттысячным приданым и племяннице богатой и весьма влиятельной вдовы Турусиной. Параллельно Глумов работает над пустым и глупым трактатом его превосходительства генерала Крутицкого, написанным в духе «великого Ломоносова», и небезуспешно.

Первый звоночек, предвещавший беду, звучит тогда, когда к Глумову приходит жена Мамаева, которую он влюбил в себя. Она требует объяснений относительно слухов касательно женитьбы Глумова на Машеньке. Изовравшись вконец, Глумов кое-как успокаивает ее, но в его отсутствие она находит его дневник, где он пишет честно и откровенно все о людях, с которыми сводит знакомства.

Дневник приводит Мамаеву в ярость. Она уносит его с собой. А потом появляется статья «Как выходят в люди» с портретом Глумова и выдержками из его дневника.

Общество, в которое стал вхож Глумов, изгоняет его. Но он, кому уже нечего терять, не уходит и принимается обличать присутствующих уже вслух. И удивительное дело – с ним соглашаются. Ведь и сами они такие же, как он…

А как играли актеры!

Они не просто играли, они проживали жизни своих героев. И это было столь достоверно, что иногда Ксения повторяла за ними их реплики. А какие это были реплики! И как хорош был Глумов…

«Маменька, вы знаете меня: я умен, зол и завистлив, весь в вас. Что я делал до сих пор? Я только злился и писал эпиграммы на всю Москву, а сам баклуши бил. Нет, довольно. Над глупыми людьми не надо смеяться, надо уметь пользоваться их слабостями. Конечно, здесь карьеры не составишь – карьеру составляют и дело делают в Петербурге, а здесь только говорят. Но и здесь можно добиться теплого места и богатой невесты – с меня и довольно. Чем в люди выходят? Не все делами, чаще разговором. Мы в Москве любим поговорить. И чтоб в этой обширной говорильне я не имел успеха! Не может быть! Я сумею подделаться и к тузам и найду себе покровительство, вот вы увидите. Глупо их раздражать – им надо льстить грубо, беспардонно. Вот и весь секрет успеха…»

Она никогда не слышала ничего подобного.

А как все было верно!

В общем, до того самого места в последнем седьмом явлении, когда «общество» изгоняет Глумова, Ксения была словно в забытьи. И только после его заключительных слов она пришла в себя и вернулась, наконец, в настоящий мир. В котором актер Вильде говорил членам «общества», пытавшимся его изгнать:

«Знаете, я ни объясняться, ни оправдываться не стану. Я только скажу вам, что вы сами скоро пожалеете, что удалили меня из вашего общества… Я вам нужен, господа. Без такого человека, как я, вам нельзя жить. Не я, так другой будет. Будет и хуже меня, и вы будете говорить: эх, этот хуже Глумова, а все-таки славный малый. (Крутицкому.) Вы, ваше превосходительство, в обществе человек, что называется, обходительный; но когда в кабинете с глазу на глаз с вами молодой человек стоит навытяжку и, униженно поддакивая, после каждого слова говорит «ваше превосходительство», у вас по всем вашим членам разливается блаженство. Действительно честному человеку вы откажете в протекции, а за того поскачете хлопотать сломя голову… (Мамаеву.) Вам, дядюшка, я тоже нужен. Даже прислуга ни за какие деньги не соглашается слушать ваших наставлений, а я слушаю даром… А вы… Ничего вы не заметили. Вас возмутил мой дневник. Как он попал к вам в руки – я не знаю. На всякого мудреца довольно простоты. Но знайте, господа, что, пока я был между вами, в вашем обществе, я только тогда и был честен, когда писал этот дневник. И всякий честный человек иначе к вам относиться не может. Вы подняли во мне всю желчь. Чем вы обиделись в моем дневнике? Что вы нашли в нем нового для себя? Вы сами то же постоянно говорите друг про друга, только не в глаза. Если б я сам прочел вам, каждому отдельно, то, что про других писано, вы бы мне аплодировали. Если кто имеет право обижаться, сердиться, выходить из себя, беситься, так это я. Не знаю кто, но кто-нибудь из вас, честных людей, украл мой дневник. Вы у меня разбили все: отняли деньги, отняли репутацию. Вы гоните меня и думаете, что это все – тем дело и кончится. Вы думаете, что я вам прощу. Нет, господа, горько вам достанется. Прощайте!»

Генка, похоже, тоже проникся пьесой. Все время он неотрывно смотрел на сцену, ерзал в кресле и иногда непроизвольно поддакивал, говоря:

– Верно… Вот это – истинная правда…

Публика расходилась молча, узнав в Крутицком, Мамаевых, Голутвине, Турусиной и Глумове самих себя. Многие были мрачны, а то и подавлены. Иные язвительно смеялись и

саркастически поглядывали по сторонам – это те, что невольно отождествляли себя с Глумовым. А некоторые выходили, гордо подняв голову. Эти не олицетворяли собой никого, или думали, что они не похожи ни на кого из героев пьесы Островского и не имеют с ними ничего общего. Это уже потом, когда рассаживались у театрального подъезда по каретам и колясскам, то тут, то там возникали отрывочные разговоры или споры. Раздавалась и критика в адрес спектакля. Мол, картина московского «общества» нарисована автором не очень правдоподобно и слишком сатирически, ежели не сказать, гротескно. Но равнодушных, похоже, не имелось.

Ксения и Генка тоже поначалу молчали, находясь под впечатлением спектакля. Потом разговорились, и Генка произнес несколько фраз, которые впоследствии Капитолина-Ксюша вспоминала не единожды. Он сказал:

– Ну, вот тебе люди, представляющие наше высшее общество. Как видишь, ничего особенного: они тоже подвержены страстям, желаниям, слабостям и страху. Стало быть, уязвимы. Манипулировать ими умному человеку очень даже возможно…

Ночь они провели в гостинице, записавшись в книгу приезжих как муж и жена Яковлевы. Никакого сомнения в ином у гостиничного служки не возникло. Он спокойно выдал им ключи от нумера и пожелал спокойной ночи. Которой у них, конечно, не получилось. Ибо события, что случаются не каждый день, здорово влияют на любовную страсть и желание интимных ласк. А посещение театра было событием вообще из ряда вон. Особенно для Ксении, которая была в нем впервые.

* * *

Аппетит приходит во время еды.

Генка и Ксюша так разохотились обирать постояльцев дядюшкиной гостиницы, жаждущих молодого девичьего тела и ласк на стороне вдали от дома, что делали это совершенно автоматически. И всегда все получалось как надо и как было задумано. Они тоже играли своеобразный спектакль, прекрасно зная собственные роли, а когда хорошо знаешь свое дело, то его результат, как правило, получается положительным. Обычно…

Денежки, ценные бумаги и векселя, драгоценности и иные вещицы, продав которые можно было бы выручить деньги, текли ежели не рекой, то уж постоянным и никогда не мелевшим ручейком – точно! Но, как говорится, нет правила без исключения. Или – «На всякого мудреца довольно простоты». В один прекрасный день…

Пожалуй, что не так…

В один глубокий вечер, и вовсе не прекрасный, а печальный, средних лет постоялец, клюнувший на приманку, приготовленную для него мошенниками, в ответ на вытащенный Генкой якобы в ярости «Кухенрейтер» вынул из внутреннего кармана револьвер и спокойно прострелил Генке ногу. А затем практически на его глазах совершил интимный акт с Ксенией, которая не посмела и пискнуть.

– Впредь вам будет наука, – наставническим тоном произнес постоялец средних лет, застегивая штаны. – Вернее, тебе, молодой человек. Потому что девицу я забираю с собой. Она мне понравилась… Так что, когда ты залечишь ногу, тебе придется подыскать новую партнершу для проворачивания своих делишек. Кстати, – он довольно доброжелательно посмотрел на Генку, – задумка с пистолетом и твоей мнимой смертью весьма недурственная.

Он схватил одевшуюся Ксению за руку и потащил из нумера.

– Оставь ее, – перегородил им дорогу Геннадий, и тут же получил удар рукоятью револьвера прямо в лицо. Обливаясь кровью, он кинулся на незнакомца, но следующий удар свалил его с ног, и он затих.

– Вы что, убили его?! – взвизгнула Ксения и набросилась на человека средних лет, пытаясь добраться до его глаз, чтобы выцарапать их. Это ей почти удалось: она порвала левое веко и глубоко поцарапала щеку ещё до того, как он успел перехватить ее руки.

– Успокойся, ничего с твоим хахалем не случится, – зашипел на нее мужчина, зажимая глаз. – Полежит минут сорок и очнется. А ты – шустрая, – добавил он одобрительно, прикладывая салфетку к щеке. – Это неплохо! Все, пошли. У тебя есть что взять с собой?

– Есть! – огрызнулась Ксения, но попытка вырваться ни к чему не привела.

Они прошли в ее комнатку, и она собралась за четверть часа.

– Все равно сбегу, – заявила она мужчине средних лет.

– Куда? – усмехнулся он. – К хахалю? Так по нему уже в полицейском участке соскучились. Хочешь вместе с ним в тюрьму загреметь?

Тюрьма Ксению совершенно не прельщала. К тому же ей теперь было что терять: полторы тысячи наличных денег, бриллиантовая брошь и еще горсть украшений, которые они с Генкой «изъяли» у простаков, – это было уже кое-что. И все это отдать полиции?! Нет уж, дудки!

Мужчину средних лет звали Серафимом. По крайней мере, так он просил себя называть. По выходе из гостиницы он нанял извозчика, и они поехали в Москву. Для Капы-Ксении начиналась новая жизнь…

Глава 4
Мошенницами не рождаются

– Ну, как?

Серафим примеривал пенсне, стекла которого были синими. Такие пенсне чаще всего носили люди от рождения слепые или потерявшие глаза в жизненных перипетиях, а также нигилисты и народники, имеющие зуб против царя. Вследствие этого такая деталь облика являлась весьма заметной, однако имела и положительный эффект: на это пенсне люди в основном и обращали свое внимание, не замечая ни фигуры, ни лица его обладателя. И при расспросах, ежели вдруг подобное случилось бы, непременно отметили в первую очередь эту деталь – пенсне с синими стеклами, – опустив все остальное…

Кроме того, пенсне с темными стеклами скрывало поврежденное веко, что в полицейских описаниях внешности преступника служило бы *особой приметой*. К тому же не был виден цвет глаз Серафима, а они у него были зелеными, и это тоже могло служить отчасти в качестве особой приметы для полиции, ежели случится что-либо непредвиденное.

– Хорошо, – согласилась Ксения. – Тебе даже идет.

Это было уже третье по счету пенсне, которое покупал для себя человек, велевший Ксении звать его Серафимом.

Первое было приобретено тотчас после отъезда из гостиницы, в которой остался раненый Генка. Оно было утеряно, когда пришлось в спешке убираться из меблированных комнат, что они с Ксенией снимали на Сретенке, потому как им в затылок буквально дышали жандармы. Серафим каким-то образом был связан с польскими националистами, посему попал в поле зрения тайной полиции. Скрыться удалось, однако пенсне пропало.

Второе пенсне было раздавлено в потасовке, учиненной бароном Жераром де Левинсоном. Ксения, окрутив означенного барона по наводке Серафима, вышла за него замуж, взяла его фамилию и за год лишила его всего состояния, оставив практически без средств к существованию. Он был вынужден объявить себя банкротом, после чего баронесса Ксения Михайловна Жерар де Левинсон затеяла бракоразводный процесс.

Несмотря на сопротивление барона, их брак расторгли, и Ксения съехала из заложенного и перезаложенного бароном имения под Санкт-Петербургом в Москву, махнув ему на прощание ручкой, затянутой в лайковую черную перчатку. Барон с таким раскладом не смирился, собрал кое-какие средства и махнул вслед за бывшей супругой в Москву.

Разыскать ее не представило особых трудов, – обобравшая его экс-женушка проживала под его фамилией в «Славянском базаре» на Никольской и трижды в день посещала одноименный ресторан, столь славившийся на Москве своей кухней. В ресторации она и повстречалась с бароном, там же принявшимся выяснять с ней отношения.

Естественно, Серафим попытался освободиться от навязчивого барона посредством разговора, который ни к чему не привел. Вернее, он привел к потасовке между Серафимом и бароном, в результате которой у последнего заплыл глаз, а левое ухо стало похоже на большой сибирский пельмень. Серафим же в пылу сражения уронил на пол пенсне, которое и было растоптано штиблетой барона, хотя бы таким вот образом отомстившего за подбитый глаз и изуродованное ухо.

Случившийся инцидент – а предавать его широкой огласке Серафим и Ксения ни в коей мере не желали – заставил аферистов съехать из «Славянского базара». Они нашли для себя место в гостинице на Покровке, выстроенной в европейском стиле академиком архитектуры Василием Петровичем Стасовым – тем самым, что возвел в Петербурге Преображенский и Троицкий соборы и доводил до ума Смольный институт. Там Ксения Михайловна «свела

знакомство» с князем Григорием Алексеевичем Щербатовым, братом почетного гражданина Москвы и городского головы Первопрестольной.

Князю было сорок четыре года. Имел он породистую внешность, крепкую позитуру и небольшую седину на висках. И ежели по молодости лет ему нравились девицы и женщины старше его по количеству прожитых лет (порой даже значительно старше), то с наступлением тридцати годов процесс возымел обратный характер: князь стал желать девиц и женщин младше его по возрасту. Значительно младше…

Когда князю перевалило за сорок, с ним случилось то, о чем говорится в небезызвестной русской поговорке: «седина в бороду, бес – в ребро». То бишь он стал нестерпимо желать девиц молодых, ежели не сказать, молоденьких, и в невообразимых количествах.

Григорий Алексеевич увлекся Ксенией без всякого с ее стороны поползновения или участия. То есть без самого что ни на есть малейшего. Однажды он увидел ее в холле гостиницы и долго не мог оторвать от нее пылающего взора. Ксения была одна, и это обстоятельство подстегнуло князя подойти и представиться.

– Князь Григорий Алексеевич Щербатов, – отрекомендовался он. – К вашим услугам.

– Ксения Михайловна… Баронесса Жерар де Левинсон.

Она нисколько не была удивлена столь безапелляционным поведением князя, поскольку к своим двадцати трем годам стала примерно представлять, что такое мужчина и как им управлять. Собственно, таковое управление было не сложнее, нежели лошадью: удалось сесть – повезла, ну а ежели захочется в галоп, тогда нужно пришпорить. Поводья можно натянуть, а можно отпустить малость; тогда лошадь, равно как и мужчина, будут вести себя соответственно полученной команде.

Вот, собственно, и вся наука.

А уж какой хорошенькой она стала! Неудивительно, что на нее обратил свое внимание видавший виды стареющий ловелас князь Щербатов. Удивительно то, что за ней не наблюдалось хвоста из поклонников, готовых исполнить любое ее поручение, лишь бы удостоиться получить в ответ благосклонный взгляд или – как несказанная мечта – сладкий поцелуй. Теперь Капа-Ксения уже мало отличалась от той графини Головиной, которую она видела на постоялом дворе в Подольске. Нет, отличие все же имелось: Ксения была интереснее и моложе графини и, естественно, намного свежее…

– Вы в Москве проездом? – спросил его сиятельство Щербатов.

И с этого момента между ними завязалась ничего не значащая светская беседа, состоящая из разговоров о погоде, модах, нравах, намеков и полунамеков, что через четверть часа вылилось в предложение князя вместе поужинать. На что Ксения, слегка потянув для приличия время, сдержанно согласилась. Впрочем, жеманничать и ломаться было не в правилах Ксении; к тому же новый «клиэнт», естественно, был при больших деньгах и весомом титуле. И главное – сам торопился в сети!

Решено было поужинать в «Яре», снискавшем себе солидную репутацию.

Когда-то ресторация находилась на Кузнецком мосту, где сие заведение открыл пронырливый француз Транкий Яр, откуда ресторация и получила таковое название. Ныне же знаменитый ресторан располагался в Петровском парке на Петербургском шоссе. И ездила «к «Яру» сплошь чиновная и богемная публика, да еще крепко загулявшие гильдейные купцы и их отпрыски, прожигающие жизнь вместе с отцовскими капиталами. И зимой, и летом от центра Москвы к Петровскому парку катили кареты, экипажи и «лихачи», и на всем пути до парка от Тверской заставы путь их освещали газовые фонари. Наверное, чтоб гуляющая публика не сбилась с дороги. Но и так как все дороги мира ведут к Риму, все пути от Тверской заставы вели к «Яру».

Встретить уважаемого князя со столь эффектной дамой подкатил сам держатель ресторана Федор Иванович Аксенов, толстый, бритый наголо человечек. Почему подкатил? Да

потому, что был он похож на мячик, а еще более – на апельсин из-за розоватого цвета лица. Впрочем, друзья и знакомцы так и звали ресторатора Аксенова – «сеньор Апельсин».

Щербатов пожелал отдельный кабинет с дорогущими мебелями и отделкой, на что дама не возражала. Апельсин исполнил пожелание князя мгновенно, причем нашел кабинет недалеко от сцены и подальше от стола подгулявших «саврасов» – юнцов из состоятельных фамилий, которые только что сыграли «в аквариум»: то есть налили воду в рояль и запустили туда живых рыб. На сие чудачество им никто не перечил, ибо развлечение было оплачено заранее в весьма кругленькой сумме. Что же касательно рояля, то он был застрахован Апельсином на сумму в пять тысяч рубликов, – разумеется, рояль столько не стоил, но знать им об этом было ни к чему. Так что пусть «саврасы» изгаляются. Все оплачено!

Венгерские певички и шансонетки старались вовсю. Через портьеру, которую при желании можно было отодвинуть и сделать щель, Щербатов с Ксенией могли наблюдать за певичками. Они были пухленьки и дьявольски хороши какой-то порочной красотой, которая вызывает желание даже у дряхлого праведника. Для того они и пели тонкими голосками и выводили ножками и ручками разнообразные «па» и иные крендельки. Некоторых из них заангажировали «саврасы» и притащили за свой столик, принявшись угощать вином. Певички хохотали и пили наравне с молодыми господами. Ближе к полуночи кутилы покинули «Яр» и отъехали в неизвестном направлении. Впрочем, почему же в неизвестном… В известном! До первой гостиницы или «отеля», где затем предались любовным утехам и свальному греху.

Отужинав лучшим, что было на тот момент в ресторане, и запив ужин великолепным вином, князь Григорий Алексеевич Щербатов пришел в самое наилучшее расположение духа. Он сыпал остротами, всякий раз чувствуя расположение Ксении, целовал ей ручки, а однажды даже приложился губами к внутренней стороне женской ладошки, что было с его стороны весьма смело и довольно интимно. Видя, что девица благорасположена к нему, Григорий Алексеевич решил пойти по натоптанной годами дорожке: не навязчиво, но так, чтобы было трудно отказать, пригласить Ксению к себе в гостиничный нумер. Естественно, лишь для того, чтобы продолжить ужин, так сказать, в более домашних условиях и для дальнейшего «дружеского» сближения и взаимопонимания. Ксения на подобное предложение пристально посмотрела князю в глаза, в которых умная женщина всегда прочтет все, что ей нужно, и ответила согласием, метнув перед этим взор на соседний (через один) столик, за которым одиноко сидел и тянул вино из хрустального бокала средних лет господин в пенсне с темными стеклами.

А затем они вышли из «Яра», взяли извозчика и махнули с ветерком на Покровку…

* * *

– Я от вас без ума, баронесса. – Григорий Алексеевич стоял перед Ксенией преклоненным на одно колено и призывно протягивал ей руку. – Я пребываю в таковом состоянии с того самого момента, как впервые увидел вас. Вы божественная! Это как удар молнии. Как пронзение стрелой сердца, как…

Князь замолчал, не находя подходящих слов от бурливших внутри него чувств вперемежку с французским вином стоимостью двести рублей за бутылку. Очень хотелось присесть, еще лучше – прилечь, и чтобы рядом с ним прилегла Ксю, как мысленно называл князь Щербатов Ксению Михайловну.

– Теперь же я просто не представляю себе жизни без вас… – нашелся он и, поймав ладонь Ксении, прижал ее к своему пылающему лицу.

– Ваше сиятельство, это так неожиданно для меня… – придвинулась ближе девушка. – Право, князь, я ума не приложу, что вам ответить.

– Пощадите! – буквально вскричал князь Щербатов. – Ответьте мне «да»! Ответьте, что испытываете вы ко мне, пусть не в такой мере, как я, но такие же чувства. Хотя бы… примерно. – Григорий Алексеевич перевел дух и стал неистово покрывать ладонь Ксении горячими лобызаниями. – Один поцелуй… Всего лишь один поцелуй! Одарите, одарите меня счастием, сударыня…

Князь поднялся с колена и, не отпуская ладони Ксении, приблизил к ее лицу свое.

– Ты счастие всей моей жизни, – прошептал он, неожиданно перейдя на «ты», и прикоснулся своими губами к ее губам.

Ксения не отпрянула, но и не ответила на поцелуй.

– Пощади же меня, пощади, – взмолился Григорий Алексеевич.

– Ах, – прошептала Ксения, глядя прямо в глаза князя. – Вы принуждаете меня также признаться в своих чувствах к вам…

– Да?! – Князь Щербатов едва не подпрыгнул на месте. – Вы тоже… любите меня!?

– Возможно, я к вам испытываю нечто похожее… Но… – Ксения замялась и опустила прелестную головку. – Я считаю, князь, что наши отношения развиваются слишком стремительно. Непозволительно быстро для людей, которые всего-то десять минут назад были друг с другом на «вы»…

«А чего кота за хвост тянуть, коли все ясно», – хотел было воскликнуть князь, но в последнюю секунду осекся. Конечно, коли все ясно и чувства взаимны, можно немедля и в койку, однако дама – баронесса, а он сам княжеских кровей (да еще и Рюрикович!); стало быть, надобно соблюдать положенные в светском обществе приличия, мать их! Хотя бывают ситуации, в которых промедление излишне и крайне нежелательно. Ведь подобные обстоятельства могут и не повториться. И хоть близок локоток – а не укусишь…

– Я бы с вами согласился, Ксения Михайловна, если бы наши чувства не были взаимны. – Григорий Алексеевич сказал это мягко и без нажима, однако стараясь быть предельно убедительным. – Однако время столь скоротечно, что зачастую мы не успеваем сделать и доли намеченного нами, полагая, что еще успеем или, как вы, сударыня, выразились, события развиваются слишком быстро и надобно их искусственно притормозить… Это, я полагаю, самое большое наше заблуждение. Жить следует не будущим и, что еще хуже, не прошлым, но настоящим. Я убежден в этом. Жить надобно здесь и сейчас. И в этом настоящая и единственная правда жизни!

Закончив тираду, князь посмотрел в глаза Ксении. Взгляд баронессы Жерар де Левинсон был раздумчив.

«Ну, наступай же! – приказал себе Григорий Алексеевич. – Куй железо, пока горячо»!

– Ксения Михайловна, – Щербатов сделался до невероятности серьезным. – Я люблю вас всей душой и желаю, чтоб вы стали моею. – Ксения при этих словах удивленно вскинула на князя большие слегка грустные глаза, но он выдержал взгляд. – Мне позволительно так думать и так говорить, потому что я переполнен чувствами к вам, и они безмерны. Конечно, если бы я был юношей, впервые полюбившим девушку, я бы мог довольствоваться единственно общением с ней и редкими поцелуйчиками. И все равно эти отношения закончились бы интимной близостью, чем и кончаются самые высокие чувства, именуемые любовию. Я же, – Григорий Алексеевич выразительно посмотрел на Ксению, – не юноша. И хотя я еще не стар, время для меня течет быстрее, нежели для вас, находящейся в годах молодых, когда кажется, что жизнь будет длиться вечно. Но, поверьте, милейшая Ксения Михайловна, – князь многозначительно вздохнул, – это самое большое заблуждение, каковому только подвержены люди. Жизнь вовсе не вечна. К нашему прискорбию, она скоротечна, как горная река. Как атака ястреба, увидевшего на земле добычу. Как движение пули, выпущенной из оружия: только-только прозвучал выстрел, а человек, находящийся за десятки саженей от стрелявшего, уже падает замертво…

– Я верю вам, – прошептала Ксения. – Вы, как мне кажется, правы. И вы убедили меня…

После этих слов девушки ноги князя едва не подкосились. Желанное наслаждение. Оно было всего лишь в нескольких шагах от него! И соответствующие шаги надо сделать как можно быстрее!

Григорий Алексеевич бросился срывать с Ксении ее наряды и кружевное белье, но руки его плохо слушались. И она, прикрыв затуманенный негой и истомой взор, подчинилась ему…

Дверь нумера шумно отворилась, когда князь Григорий Алексеевич пытался дрожащими от охватившего его возбуждения руками направить свою плоть в лоно Ксении.

– Ага! – вскричал Серафим, и его глаза недобро блеснули. – Попался, старый насильник!

Князь в изумлении приподнялся над Ксенией и застыл. Его плоть, в одно мгновение потерявшая былую решительность, бессильно скукожилась.

Это кто насильник? И главное, старый?!

«Глупости какие, – взбунтовался тот, что сидел внутри него. – И вообще… Ведь по обоюдности. Она сама пришла… И я не смог устоять. Ибо все мы всего лишь человеки. А человек, как известно, – слаб…»

Князь какое-то время зависал над девушкой, затем встал на колени, ступил голыми ступнями на пол и с достоинством произнес:

– Кто бы вы ни были, сударь, но это не дает вам права врываться в мой нумер, причем совершенно без стука. Я непременно буду жаловаться на вас в администрацию гостиницы…

– Вы бы, сударь, сначала штаны надели, прежде чем разговаривать, – посоветовал вошедший и, когда обескураженный князь натянул панталоны, продолжал: – Ну, жаловаться на меня вы никогда и никому не будете. – Незваный гость усмехнулся.

– Это почему же? – почти возмутился Григорий Алексеевич.

– Потому что я муж этой гражданки, которую вы только что пытались изнасиловать, – четко разделяя каждое слово, произнес Серафим. – И вам придется ответить по всей строгости закона за это уголовно наказуемое преступление.

В горле князя булькнуло.

– Что?! – наконец, вырвался наружу хрип. – Какая еще такая попытка изнасилования?

– Обыкновенная, о каковой говорится в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных», введенном в Российской империи в одна тысяча восемьсот сорок пятом году, – подошел ближе Серафим. – В частности, параграф одиннадцатый второго отделения главы первой Уложения говорит нам о том, что «покушением на преступление признается всякое действие, коим начинается или продолжается приведение злого намерения в исполнение». Ваше злое намерение – надругаться над моей обожаемой супругой – хоть и не было до конца приведено в исполнение, однако было начато, что, несомненно, признается покушением на преступление. Мною и моей супругой, что она, несомненно, подтвердит, было обнаружено ваше намерение совершить преступление, а это и будет преступный умысел, который подлежит судебному наказанию в обязательном порядке. Сколько вам присудят, – Серафим немного задумался, – решать будет, конечно же, суд; однако, думаю, годочков восемь каторжных работ вам обеспечено.

– Но она же сама, – князь с надеждой посмотрел на Ксению, – сама согласилась пойти со мной в нумер…

– После чего вы решили, что над ней можно надругаться? – голосом неподкупного прокурора, говорящего обвинительную речь, произнес Серафим.

– Да не надругался я, – воскликнул Григорий Алексеевич. – Такого и в мыслях даже не было!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.